

КАТЯ ЁЖ

ДОМ НАД МОРЕМ
ДЕСПОТ

18+

Катя Ёж

Дом над морем. Деспот

«Автор»

2026

Ёж К.

Дом над морем. Деспот / К. Ёж — «Автор», 2026

"Тайны мрачнее, вопросов все больше. Кто твой принц, девочка — тиран или жертва? Бежать подальше или спасти? А может... пора нападать самой?" Майя становится женой Максима Дорна. Она влюблена и мечтает родить супругу желанного наследника. Ее работы вот-вот выставят в самой знаменитой арт-галерее города — впереди только счастье? Но дом уже распахнул свои двери, и тьма оживает, готовясь принять новую хозяйку...

© Ёж К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	15
ГЛАВА 4	19
ГЛАВА 5	23
ГЛАВА 6	27
ГЛАВА 7	31
ГЛАВА 8	35
ГЛАВА 9	39
ГЛАВА 10	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Катя Ёж

Дом над морем. Деспот

ГЛАВА 1

Дождь тихо накрапывал, превращая землю и гниющую листву под ногами в липкую жижу. Сыро и зябко было в этот день, когда всем городком провозжали в последний путь Ольгу Михайловну.

Для Майи мир замер и выцвел. Стал черно-белым. Она смотрела на Зарубину и не узнавала в маленькой сухонькой старушке, лежащей в гробу, сильную и властную женщину, какой помнил ее каждый воспитанник интерната. Смерть ли так изменила Ольгу Михайловну или те события, что предшествовали ей?

Майя не видела ее с сентября — с того самого дня, как, движимая единственным желанием спасти Максима, вытащить его из депрессии, она в спешке написала заявление об увольнении по собственному, собрала вещи и умчалась из городка, оставляя позади все и вся, ни о чем не думая и не сожалея.

А вот сейчас, машинально вертя на пальце обручальное кольцо, Майя раскаивалась, коря себя за то, что за все эти месяцы так и не удосужилась навестить ту, что всегда относилась к ней с особой, материнской, теплотой. С головой погрузилась в свою новую жизнь и, выходя, променяла самых близких людей на гонку за призрачным счастьем...

Они зарегистрировали брак через две недели после отъезда в город. Максим все устроил, и их расписали. Совсем не так представляла Майя свою свадьбу, но поспешность была условием сделки, на которую она добровольно согласилась. Впрочем, Максим больше не произносил этого чудовищного слова, чем несказанно радовал новобрачную. Он вообще вел себя безукоризненно.

Начали с того, что выбрали для Майи самое красивое свадебное платье, стоившее наверняка безумно дорого, но Дорн запретил ей даже думать об этом.

— Моя жена о деньгах беспокоиться не должна, — сказал он.

Украшения, туфли, букет невесты, обручальные кольца — они все выбирали вместе, и Максим внимательно выслушивал пожелания будущей супруги, из-за чего Майя не раз и не два ловила на себе завистливые взгляды обслуживающих их сотрудниц ювелирного магазина и свадебного салона.

И это не было ни притворством, ни дежурной вежливостью — Максим действительно хотел жениться на ней и выглядел счастливым. Она чувствовала его желание и любовь в каждом прикосновении, в каждом поцелуе, в каждом слове, с которым он обращался к ней.

Для себя Дорн тоже выбрал светлый костюм.

— Хватит с меня черного, — отмахнулся он от предложенных ему традиционных моделей. — Я сам так скоро почернею. Да и моложе выгляжу в светлом-то.

В ответ Майя шутливо взъерошила ему волосы:

— Опять ты за свое, не комплексуй!

— Хочу соответствовать. Ты выглядишь такой юной в своем наряде!

Это было правдой — чудо из натурального шелка, простое, но элегантное и идеально сшитое, словно сшитое на заказ, сделало Майю похожей на богиню вечной весны.

— Надеюсь, меня в загсе не примут за престарелого сластолюбца, решившего потешиться с ребенком, — пошутил Максим, когда Майя вертелась перед зеркалом, примеряя платье уже дома.

Сначала она нервничала, не желая, чтобы будущий муж видел ее в нем до бракосочетания, но Максим терпеть не мог условностей и суеверий.

— Ерунда это все, — морщился он. — Брак не может быть счастливым или несчастливым от того, что кто-то взглянул на какую-то тряпку.

Майя, слегка обидевшись на то, что ее первое свадебное платье назвали тряпкой, все же приняла точку зрения Дорна и весь вечер услаждала его взор, дефилируя по гостиной и то и дело принимая провокационные позы. В конце концов Максим не выдержал, и примерка завершилась в спальне, откуда они до утра уже не спускались.

Вообще, их интимная близость доставляла Майе отдельное наслаждение. Оба все больше раскрывались друг перед другом. Майя становилась раскованнее, Максим же учился сдержанности и нежности, которых ему поначалу не доставало. Иногда казалось, что он не может полностью отпустить себя из опасения причинить ей боль, и тогда она предлагала забыть на время о ее комфорте, но всегда получала мягкий отказ:

— Поверь, тебе не понравится.

Как-то, улучив момент, когда Дорн был занят очередным утренним созвоном по работе, Майя полезла в интернет в поисках информации о разных вариантах жесткого секса и, конечно, запуталась. Проведя несколько часов на сайтах, посвященных целой субкультуре, в которой один из партнеров на определенных условиях подвергается унижению, насилию и едва ли не пыткам, девушка, покрасневшая до кончиков ушей, оторвалась от ноутбука и возблагодарила небо за невиданное милосердие, проявленное к ней Максимом. Если его привычки имеют хоть какое-то отношение к тому, с чем она только что ознакомилась, то близость с ней должна казаться ему пресной и однообразной. Тем не менее, загадочный мир эротических игр, происходящих под девизом “доминируй, властвуй, унижай”, завладел воображением Майи, и она с любопытством изучала разные приспособления, предназначенные для них. Однажды она так увлеклась, что не заметила Максима, подошедшего к ней сзади. Он был обескуражен.

— Не думал, что ты интересуешься такими вещами.

— Максим, — Майе было неловко, но она решила выяснить отношения до конца, — я поняла, чем ты жертвуешь ради меня, и хочу, чтобы хорошо было нам обоим.

— И чем же я, по-твоему, жертвую? — с нескрываемым изумлением спросил Максим. — Этим? — Он указал на монитор с изображением всевозможных вариантов связывания.

Майя потупилась.

— Ну... я почитала... Знаешь, это все шокирует, конечно, но если тебе нужно... иногда...

— Вот это? — повторил Дорн со смехом. — Солнце мое, я в жизни не увлекался ничем подобным! Много заморочек и физически тяжело.

Майя удивленно подняла на него глаза.

— Но как же... я думала...

— Ты после того несчастного поцелуя в скалах записала меня в заправские доминанты? — Максим скрестил руки на груди.

— Я не знаю, кто ты там, доминант, не доминант, просто... — Майя собралась с духом и выпалила: — Пожалуйста, прекрати ради меня себя ограничивать. Я хочу узнать тебя настоящего!

— Не хочешь, — покачал он головой.

— Хочу! — Она впала в какой-то детский азарт и даже топнула ногой несколько раз. — Хочу, хочу, хочу!

И тут он сделал молниеносный выпад, дернул Майю за руку, вывернув ей запястье так, что она вскрикнула. Не обращая на это внимания, Дорн швырнул ее к стене, о которую она пребольно ударилась, а затем навис над ней, схватил за шею, наклонился к самому лицу и прорычал:

— Нравится тебе вот так?! Нравится?!

На глазах у Майи выступили слезы. Она не смогла вдохнуть и прохрипела:

— Нет...

Максим мгновенно убрал руки и отошел, а Майя сползла на пол, глядя на него с немим ужасом.

— Больше мы к этой теме не возвращаемся, договорились? — произнес он, и она быстро быстро закивала.

Дорн молча повернулся, чтобы уйти, но Майя окликнула его:

— Максим! А с Юлей ты делал все... вот это?..

Когда-то она уже задавала этот вопрос и ответа не получила. Дорн остался стоять спиной к ней, но она увидела, как под его рубашкой от напряжения забугрились мышцы. Мгновение помедлив, он, так ничего и не сказав, удалился.

Майя усвоила урок и впредь подобных разговоров не заводила, принимая Максима таким, каким он сам желал быть для нее.

— Жаль, что ты не сможешь быть на регистрации. — Майя вздохнула, глядя, как Вика с трудом садится на кровати.

Глубокая рана заживала плохо, давала себя знать серьезная кровопотеря, да еще результаты анализов не радовали. Врачей беспокоили анемия и общая слабость у пациентки.

— Я всю жизнь бледная и худая — и ничего, а тут докопались, — негодовала девушка, впрочем, негодовала не слишком активно, потому что сил на это у нее попросту не было.

— Радуйся, что попала сюда, — наставительно сказала Майя. — Где бы ты еще нашла такой уход, причем абсолютно бесплатно? Отдельная палата со всеми удобствами, медсестры на задних лапках ходят — я тебе даже немного завидую!

— Дурочка! — Вика поморщилась, потому что смеяться ей все еще было немного больно. — Ты что-нибудь знаешь о Катране?

— Только то, что его поймали наконец. Следствие идет, скоро дело в суд передадут, — ответила Майя.

На самом деле детали ее мало интересовали: подруга поправляется, преступник схвачен — и это главное.

На тумбочке возле кровати стоял в вазе роскошный букет белых роз. Майя указала на него подбородком и спросила:

— Лариса, что ли, у тебя была?

Но Вика вдруг заулыбалась и отвела глаза:

— Это Алеша.

— Кто?! — Майя сначала не поняла, но потом хлопнула себя по лбу и воскликнула: — Ах, этот! Ишь, цветы таскает, прям рыцарь! А ведь не признается, зараза, зачем следил за тобой!

Вика укоризненно взглянула на подругу.

— Да что ж ты такая невозможно глупая, Майя? Я ему просто понравилась... Он меня увидел как-то, когда был у твоего Дорна по делам и заехал в городок перекусить.

— Хочешь сказать, он шастал за тобой, потому что запал? А почему же просто было не подойти?!

— Стеснялся. Боялся отказа, — объяснила Вика.

— Нет, вы поглядите, какой скромный мальчик! — продолжала недоумевать Майя.

Вся эта история не вызывала у нее большого доверия, однако, видя, что Вика по-настоящему рада, она отстала от нее. Если ее собственные отношения далеки от нормальных, это же не означает, что у всех так же. Ярцев вообще производит впечатление самое положительное, и, может, он как раз тот, кто нужен Виктории. Майя решила, что на всякий случай спросит у Дорна, можно ли доверять Алексею, а подруге задала самый главный вопрос:

— Послушай, к тебе никто не приходил? Ну, кроме меня и Ярцева? Никакая... м-м-м... женщина?

— Ты о чем? — Вика удивилась совершенно искренне.

— Когда я пыталась пробиться к тебе сразу после операции, меня не впустили и с врачом не дали поговорить, потому что я не родственница, — объяснила Майя. — При этом сказали, что у них записан кто-то, у кого есть право получать всю информацию. И я подумала, а что, если это твоя мать? Вдруг Зарубина ее нашла и...

Вика так сильно побледнела, что Майе стало за нее страшно. Она даже подскочила, чтобы бежать за помощью, если подруга потеряет сознание, но та остановила ее:

— Не надо никуда. Но зачем так меня пугать? Никто не приходил.

— Жаль, а я думала, ты наконец ее увидишь.

— Ну... Даже если речь и о матери, она вовсе не обязана меня навещать, чтобы узнать о моем состоянии, верно? — вполне резонно заметила Вика.

— Верно...

Вечером Майя, как и планировала, подошла к Максиму с вопросом об Алексее, и тот успокоил ее:

— Он отличный парень, умный, работающий, серьезный. Я его сразу тогда спросил, почему он оказался рядом с Викторией, и он мне то же самое сказал: понравилась.

— То есть ручаешься за него? Я не позволю Вике обижать! — Майя погрозила Дорну пальцем, чем только развеселила его.

— О, знала б ты, какой у тебя “угрожающий” сейчас вид! Даже подойти страшно! — С этими словами он сгреб девушку в охапку и опрокинул на диван.

Она взвизгнула и задргала ногами, но Максим с напускной суровостью заявил:

— Ты просила меня проявить доминантность? Получай!

— Подожди! Максим! Я еще кое-что хотела...

— Имей совесть, нельзя отнимать кость у собаки и останавливать возбужденного мужика, — возмутился он, но Майя умоляюще сложила ладони:

— Еще один вопрос, а потом хоть на столе тебе отдамся!

— Ловлю на слове! Чего ты хочешь?

— Узнай, пожалуйста, если ты можешь, кого записали доверенным лицом в карточку Вики?

— Кем? — Брови Максима взлетели вверх.

— В больничных документах Вики указан кто-то, кому они могут сообщать новости о ее состоянии. Если в Викину карточку вписана ее мать, например, то мне нужно знать имя.

— Да с чего ты взяла, что там какая-то мать?! — удивился Дорн. — Кстати, разве твоя подруга не сирота?

— Ее мама жива, но почему-то отдала дочь в интернат и никогда не появлялась. Зарубина с этой женщиной на связи и могла сообщить ей о случившемся. Понимаешь, я хочу, чтобы Вика встретила с ней и простила!

— Майя, — сказал Максим, — успокойся и перестань играть в детектива. В карточке стоят мое имя и телефон.

Она вытаращила глаза:

— Как это? Почему?!

— Когда я договаривался о госпитализации Виктории, то сразу попросил, чтобы меня незамедлительно информировали о ее состоянии. Главный врач — мой хороший знакомый. Я объяснил ему, что у девчонки никого нет, так что все расходы на мне... А ты уже развела тайны мадридского двора!

Майя почувствовала, как у нее запылали уши:

— Прости, я совершенно об этом не подумала... Действительно, все так просто!

— Жизнь вообще проще, чем мы себе представляем, — вздохнул Дорн и протянул руку:
— Теперь идем.

— Куда это?

— Ты обещала отдаться мне на столе, — невозмутимо напомнил он.

Через несколько дней Майя официально стала женой Максима, и вскоре, когда Викторию наконец выписали из больницы, а Алексей Ярцев торжественно поклялся приглядывать за ней, молодожены отправились в свадебное путешествие на какие-то тропические острова, название которых Майя даже не смогла с первого раза произнести, не говоря уже о том, чтобы запомнить его.

Она была больше, чем счастлива — она сама стала воплощенным счастьем и мечтала теперь лишь поскорее забеременеть и родить Максиму желанного наследника.

ГЛАВА 2

— Значит так, — отчеканил недовольный голос в трубке. — Если в ближайшее время я не узнаю, что ты решила финансовый вопрос, то через месяц моя выставка все-таки состоится — но в другой галерее. Их, слава небесам, навалом, и в каждой меня хотят безумно.

Конечно, конечно, безумно хотят, с руками отрывают, на коленях молят о чуде явления! В арсенале каждого артиста имеются подобные пассажи, но так виртуозно, как художник и скульптор Ярослав Грибоконь, их не исполнял никто. Если бы Соня не знала этого чудака уже миллион лет, то, бесспорно, поверила бы ему и запаниковала в страхе лишиться счастья лично представлять благосклонной публике новые творения маэстро. Однако Ярик слишком часто пользовался одним и тем же оружием, и у Сони давно выработался иммунитет к нему. Однако же средства необходимы — не на Грибоконя, так на что-то иное.

Она сладко потянулась в кресле и пересела к туалетному столику, заваленному всевозможными тюбиками, баночками, коробочками, кисточками, флакончиками, и позвала:

— Лидушка!

Сидевшая тут же на диване немолодая полноватая женщина лет пятидесяти отложила книгу, встала и неспешно подплыла к Соне, ласково глядя на нее большими голубыми глазами, окруженными лучиками морщинок. Соня потянулась к ней, обвила руками и словно игривый котенок потерлась о живот, укрытый теплым байковым халатом.

— Что, моя рыбонька? — Лидия наклонилась и поцеловал Соню в макушку.

— Заплети мне волосы, как ты умеешь, — проворковала та. — Я же совершенно не могу с ними управиться.

Лидия улыбнулась: вот уж истинная правда. Природа наградила ее подопечную удивительно густой шевелюрой, которую даже расчесать было порой непросто. Темно-каштановые локоны спускались ниже талии, и с самого первого дня знакомства Лидии с Софьей Шубиной, а состоялось оно двадцать семь лет тому назад, никто другой Сониной головой не занимался.

Просьбу ее Лидия выполняла с огромным удовольствием, потому что перебирать пальцами шелковистые пряди было все равно, что гладить по головке ребенка. Соня и сама вся была мягкая и нежная, улыбчивая, всегда спокойная и очень душевная, за что Лидия ее и любила. Сама она недавно похоронила мужа, а детей никогда не имела, поэтому к Соне относилась как к дочери, изливая на нее нерастрченную материнскую нежность.

— Что ты будешь делать, моя милая, когда я не смогу тебе прически вертеть? — вздохнула Лидия.

Соня улыбнулась, пряча мелькнувшую в глазах грусть:

— Лидушка, да ведь ты меня переживешь...

Та нахмурилась:

— Это что за речи?

Она положила ладонь на лоб Соне. Так и есть, температура. Вон и щеки покраснели. Софьюшка не изменяет себе: как только недомогает, сразу начинает прощаться с миром! Ну, артистка...

— Ты мне эти мысли брось, — сказала Лидия, сурово глядя на Соню. — Не то сама со своими космами разбираться будешь. Думаешь, приятно подобное слушать?

— Прости, ну прости меня! — воскликнула Соня, ловя ладонь Лидии и прижимаясь к ней щекой. — Настроение такое сегодня. Видишь, погода портится, вот и лезет в голову всякое...

На улице и впрямь похолодало, и который день было пасмурно. Низкое небо висело над городом безжизненным серым полотном, и все вокруг тоже казалось серым. Неудивительно, что легкую по характеру, живую и яркую Соню охватила меланхолия. Значит, пора Лидии

доставать свои поваренные книги и начинать колдовать на кухне, выпекая любимые Сонины пироги с яблоками и вишней и заваривая ароматный облепиховый чаек.

Закончив плести косы, Лидия уложила их на голове Софьи в тяжелый узел и утыкала неимоверным количеством шпилек, чтобы лучше держались.

— Поедешь в галерею? — спросила она. — Надолго?

— Не знаю, — ответила Соня, принимаясь за макияж. — Ярик бунтует, грозит к конкурентам отнести свои шедевры. Нужны деньги, Лидушка, деньги, а где их взять?

— А что благодетель твой? — слово «благодетель» Лидия произнесла язвительно, давая понять, что, кем бы этот человек ни был, женщина от него не в восторге.

Софья закончила подводить глаза и теперь задумчиво выбирала цвет помады, поэтому ответила не сразу:

— А благодетель сам столкнулся с трудностями... Попробую сегодня поговорить с ним.

Она наконец остановилась на помаде нюдового оттенка. Лидии данный вариант не слишком нравился, поскольку бледные губы в сочетании с чахоточным румянцем придавали Софье вид тяжело больной. С другой стороны, если она готовилась исполнять роль просительницы перед человеком весьма специфических наклонностей, то лучшего решения было не найти. Завершающим штрихом стало длинное черное платье с воротником-стойкой и глубоким вырезом, перетянутое в талии широким поясом. И никаких украшений.

Лидия только головой покачала:

— Ну чисто героиня греческой трагедии. Краше в гроб кладут!

— Значит, нужный эффект достигнут, — улыбнулась Софья и, глянув напоследок в зеркало и чуть подправив мизинцем контур помады в уголке рта, кокетливо подмигнула Лидии: — Я пошла.

— С богом! — напутствовала Лидия и перекрестила ее.

«Я сплю», — подумала Майя, впервые увидев океан на закате. Она, художница, знающая десятки оттенков одного только белого, даже представить себе не могла того безумия красок, которое обрушилось на нее в первый же вечер на островах. Солнце, такое огромное, что Майя невольно заслонялась от него, представляя, как оно приближается и испепеляет все вокруг, медленно опускалось в стремительно темнеющие воды, окрашивая небо и причудливой формы облака сначала в золотой и розовый, а потом в оранжевый и даже багрово-красный. И все эти цвета гармонично соседствовали, плавно переходя один в другой, улаживая взор и даря вдохновение. Как хорошо, что Майя уговорила Максима взять с собой складной этюдник и краски! Она не простила бы себе, если бы не смогла перенести все открывшееся ей великолепие на холст. Пока Дорн лениво раскачивался в гамаке, созерцая мерно рокочущий океан, Майя упоенно рисовала. Устав и потирая поясницу, она отваливалась от этюдника, как насосавшийся клещ, только в ее случае, полный не крови, а благодати, и шла к исходящему нетерпением мужу, встречавшему ее с распростертыми объятиями. Они падали там, где встречались — на постель, на циновки, иногда на песок, и ничто не могло остановить их безудержной страсти.

Весь пляж с просторным бунгало принадлежал им одним. Ни одной живой души на целые километры вокруг! Лишь изредка вдалеке в волнах мелькал одинокий серфингист — очевидно, «сосед» по береговой линии, иначе и не скажешь.

— Мы здесь и впрямь одни? — с недоверием спрашивала Майя поначалу, робко прикрываясь руками, когда Максим среди бела дня тащил ее купаться в чем мать родила.

— Абсолютно. За те деньги, что платят туристы, чтобы провести время на собственном пляже, желающих немного.

— А это безопасно? Вдруг что-то случится?

— Есть спутниковый телефон, кроме того, налажена система оповещений, а несколько раз в день я сигналю, что тут все в порядке. По тревоге в воздух поднимется вертолет береговой службы, и помощь прибудет через считанные минуты. Все продумано, Майя.

— А акулы и прочая тропическая живность? — с опаской поинтересовалась она, напряженно всматриваясь в чистейшую воду.

— Здесь ничего такого нет. Ни ядовитых моллюсков, ни колючих рыб, и заслоны вокруг пляжей такие, что никакая акула не прокусит, а у них челюсти посильнее, чем у наших катранчиков!

При упоминании о катранах Майя вздрогнула, вспомнив Вику и ее несостоявшегося убийцу. Слава богу, что Вальке не удалось...

Пляж окружали джунгли. Но в них Майя далеко не углублялась, прекрасно понимая, что, хоть крупных хищников там не встретить, от насекомых и их всепроникающих личинок ее ничто не уберезет. В этом Максим был с ней солидарен, так что гуляли молодожены больше по пляжу. А иногда и вовсе не гуляли, проводя дни в горизонтальном положении, поскольку Майя с невероятной серьезностью подошла к исполнению своей части договора.

— Я хочу зачать нашего ребенка именно здесь, — заявила она мужу. — В этом самом прекрасном месте на земле!

Максим был не против и активно участвовал в процессе, не отлынивая и не ленясь.

«Как же я его люблю», — говорила себе Майя, когда вскакивала посреди ночи от неясной тревоги и сразу успокаивалась, видя его рядом безмятежно спящим.

«Я так люблю его!» — думала она днем, наблюдая, как Максим задумчиво стоит в набегаящих волнах, или заметив его собирающим ракушки, выброшенные на берег.

Однажды он притащил Майе полную их футболку и сказал:

— Для твоих картин. Я видел, ракушки лепят на холст и как-то оформляют. Будет красиво.

Она была благодарна ему — за то, что не была для него просто любовницей и родильной машиной, за то, что он говорил с ней, слышал ее, понимал.

«Однажды, — убеждала себя Майя, — он тоже скажет, что любит меня». Она терпеливо ждала, а пока ей хватало поцелуев и ласк в минуты близости, и достаточно было чувствовать его в себе, покачиваясь в теплых волнах океана, чтобы забыть обо всем, что еще разделяло их.

Под тропическим солнцем она загорела дочерна, а кроме того, стала заметно стройнее. Эту приятную новость сообщило ей в один прекрасный день зеркало, в которое Майя смотрелась в последнее время редко, но вот что-то захотелось... С сияющими глазами она повернулась к мужу:

— Максим, по-моему, я похудела!

Он скептически покосился на нее, оторвавшись от книги, и сказал:

— Вот не самая приятная новость. Я люблю твои округлости такими, какие они есть. Откармливай обратно!

— Ну нет! — Майя радостно закружилась по комнате. — Мне нравится быть такой! Похоже, я открыла лучшую в мире диету: фрукты и ты!

Она обняла Максима и чмокнула его в макушку.

— Убери свою книгу, супруга тебя желает!

— Вот еще! — шутливо возмутился Дорн. — Эдак ты и вовсе бестелесной станешь! Нет, все, прекращаем диету.

Но Майю было не остановить, и она утянула его на пляж, где до самого вечера они то плавали, то носились друг за другом, как угорелые, то сливались в страстных объятиях. Уже поздней ночью, глядя в звездное небо, Майя спросила:

— А вдруг у меня родится двойня? Мальчик и девочка?

Ей показалось, что Максим слегка вздрогнул, но через секунду улыбнулся и пожал плечами:

— Я буду только счастлив.

— Макс! — Майя вдруг вспомнила кое о чем важном и села.

— Я просил тебя... — сдержанно проговорил он, поморщившись.

Ах, да. Не называть его Максом.

— Прости, Максим. Я хотела спросить... А твои родители знают, что ты женился?

— Никто пока не знает. Это важно?

Майю покорила такой ответ. Ничего себе, сын женился, а отец и мать не в курсе. Дорн вообще никому не сказал. Почему это может считаться неважным?! Ответ, пришедший на ум, ей не понравился: потому что это не было важно самому Максиму. Он же не женился, он сделку заключил... Нет! Она ведь уже давно решила, что не будет об этом думать!

Майя снова легла на песок и прижалась к плечу мужа. Украдкой она взглянула в его лицо. Максим смотрел куда-то вверх, на звезды, и в глазах его ей почудился влажный блеск.

Все вокруг казалось Майе волшебным, и она, поддавшись колдовскому очарованию райских островов, ни минуты не сомневалась: беременность не за горами.

Стоя однажды на закате в волнах океана и глядя на устрашающе огромный солнечный диск, багровеющий сквозь облака, она испытала вдруг почти первобытный страх перед его великой властью над всем живущим на планете и протянула к светилу руки, как это делали древние язычники, обожествлявшие природу. О чем она могла просить? Наделить ее самой великой силой сотворения? Политая золотом и по колено в золотых же водах, она молча молилась, словно древняя жрица, не слыша и не видя ничего, погрузившись в себя.

Всплеск воды вырвал ее из транса, и она обернулась. Максим медленно шел к ней с каким-то странным выражением в глазах, чужим, какого она раньше не видела, но не пугающим — благоговение читалось в его взгляде. Без слов он опустился на колени перед ней.

И снова волны держали их, и они качались, будто в колыбели — в колыбели будущего безбрежного счастья, подумалось Майе. Но нужно было узнать еще одно, самое главное.

— Ты был здесь с *ней*?

Спросила и замерла в страхе, что разрушила всю магию. Он понял, о ком она говорит, без всяких объяснений.

— Никогда, — шепот, растворившийся во тьме, наполнил ее сердце радостью.

Никогда! *Еезд* здесь не было! Это место не заражено *ею*, не отравлено, и ничто не стоит на пути жизни, рвущейся в чрево Майи! Она счастливо рассмеялась, и смех ее оборвался легким вскриком, далеко не последним в эту сказочную ночь.

Еще несколько дней Майя истово верила, что наконец-то забеременела, но в конце концов тело возвестило о неудаче. Дорн обнаружил жену в душевой, где она горестно выставляла перед собой столбики тампонов. Глаза Майи все сказали ему без слов. Он обнял ее и принялся укачивать, как ребенка, утешая:

— Перестань... Это не повод для слез. Не все сразу получается так, как нужно нам.

— Я хотела, — дрожащими губами еле выговорила Майя, — чтобы это случилось здесь...

Наивная девочка, мечтательница! Он крепче прижал ее к себе.

— А мы еще надолго тут? — шмыгая носом, спросила она.

— Я же тебе говорил: ты можешь жить, где пожелаешь. Хочешь — оставайся, — ответил Максим.

Майя вспыхнула и сердито посмотрела на него:

— Ты всерьез думал, что я соглашусь жить где-то вдали от тебя? Ты совсем не веришь в мои чувства?!

— Тише, тише, тише! — Он обхватил ее, готовую разрыдаться и убежать. — Я очень рад твоему стремлению быть рядом, потому что тоже не хотел бы с тобой разлучаться.

— Вот и не говори больше глупостей! — Майя легонько ударила Дорна кулачком в грудь, а он вдруг согнулся в притворном приступе боли:

— Какой удар! В самое сердце! О, жестокая!

Майя не смогла сдержать улыбки и вскоре смеялась над дурацкими шутками Максима, позабыв о недавней печали. Однако ее все же интересовало, когда им придется возвращаться в суровую действительность.

Увы, изгнание из рая состоялось очень скоро.

В тот день, начавшийся, как обычно, с ленивого утра, завтрака на веранде и купания нагишом, Максиму позвонили. Обычной сотовой связи на островах не было, но функционировала спутниковая, чрезвычайно нужная не только для того, чтобы обитатели бунгало могли рассчитывать на своевременную помощь в случае экстренной необходимости, но и для работы, которая у многих состоятельных клиентов продолжалась в режиме нон-стоп даже в период отпуска.

За четыре восхитительные недели, проведенные новобранцами на одиноком пляже, Максима не беспокоили ни разу, и вот наступил тот час, когда он кому-то очень понадобился.

Да как понадобился! Даже стоя на расстоянии, Майя слышала вопли собеседника в трубке. Дорн отделялся односложными ответами, но лицо его мрачнело с каждой секундой, пока он не произнес наконец роковые слова:

— Я возвращаюсь.

Дав отбой, он обернулся и встретился глазами с расстроенным взглядом Майи.

— Прости, моя хорошая. Придется прервать наш медовый месяц. Я должен быть в городе. В компании проблемы.

Что еще оставалось? Она молча отправилась собирать вещи.

Следующим утром катер доставил обоих на материк; из аэропорта они вылетели первым же рейсом.

ГЛАВА 3

— *Послушай, любезный мой друг! Не пора ли тебе вспомнить о деле и прекратить таскаться по курортам? Надоел ты мне изрядно, знаешь ли. То траур у тебя, то отпуск. Непонятно только, от каких таких трудов праведных ты утомился, ведь весь последний год я кололусь в компании практически один!*

— *Давай тон беседы немного сбавим? Я ведь на связи, никуда не исчез...*

— *Только ты, мать твою, виртуальный персонаж! Может, при других обстоятельствах оно было бы и к лучшему, ибо рожу твою мне после кое-каких событий видеть не слишком приятно, однако напомню, мой дорогой, что ты иногда тут очень нужен оффлайн! Объяснять надо, почему?*

— *Не надо...*

— *Документы, идиот! Договоры, контракты, допики! Я не могу подписать и половины всего этого, потому что кто-то собрал все сливки и теперь сидит на контрольном пакете. И кто бы это мог быть, такой удачливый и выгодно женившийся?! А главное, вовремя овдовевший!*

— *Понял я, понял. Когда нужно, чтобы я был в городе?*

— *Да вчера!!! Ты себе не представляешь, что здесь творится! Поставки сорваны из-за, мать их, санкций, мы не успеваем перейти на новый контракт, потому что у меня связаны руки, новый проект стопорится, не развернувшись, и нам грозит огромная неустойка! А ты...*

— *Я возвращаюсь. Все, отбой.*

Тёмка понуро бредет по улице, зло отпихивая изредка попадающиеся под ноги камешки. Лоб саднит, но куда больнее жжет обида. Одно слово, брошенное ему сегодня... Мальчик не знает его значения, однако подозревает, что оно оскорбительно. Об этом говорила вся физиономия говорившего: ехидная усмешка, выражение превосходства в глазах, поза, взгляд сверху вниз. А еще пошлые намеки в адрес матери. Этого уж Тёмка стерпеть не мог. Как было не дать наглецу в морду?

Поднявшись по лестнице, он как можно аккуратнее отпирает дверь, стараясь не лязгать ключом, и пытается незаметно проскользнуть к себе, но предательски скрипит половица. Чертов паркет! Конечно же, мать слышит, что кто-то возится в прихожей, и выглядывает из гостиной. И конечно же, от ее внимательного взгляда не укрываются ни расстроенный вид Тёмки, ни кровоточащая царапина у него на лбу.

— *Иди-ка сюда! Это что? Подрался?!*

— *Да ерунда, мам, — отмахивается он.*

— *Надо промыть! — она суетится, доставая из домашней аптечки пластырь, вату и перекись.*

— *Я сам, не маленький.*

— *О да, ты у нас взрослый мужчина целых шестнадцати лет! — ее руки с ваткой уже порхают над раной, и Тёмка закусывает губу от жгучей боли.*

— *Мам... — Он мнетя, но все-таки решается спросить. — Кто такой байстрюк?*

— *И без того всегда бледная, мать белеет еще сильнее.*

— *Кто сказал тебе это? — шепчет она одними губами и кивает на царапину: — Потому ты и...?*

Тёмка опускает голову. Не стоило ничего говорить. Лучше самому погуглить — и впрямь ведь уже большой мальчик. Он сгребает пузырек и вату и скрывается в своей комнате. На пороге бросает взгляд через плечо и видит, как мать тяжело опускается на диван.

Вечером приходит отец. Он в последнее время часто бывает у них: проблемы на работе, нужно расслабиться — так он объявляет матери, встречающей его на пороге. «Расслабиться» означает, что он будет сидеть в кресле и пить коньяк прямо из бутылки, а мать... Тёмку передегеривает от воспоминания, как однажды он, проходя мимо гостиной, не удержался и заглянул в щелочку не до конца закрытой двери. Она стояла на коленях перед ним и делала такое... Когда у Тёмки будет девушка, он ни за что не потребует от нее подобного. И на колени не поставит. Он не станет таким, как его отец! А матери это, похоже, нравится. Она смотрит на него такими преданными глазами...

Сегодня Тёмка выходит поздороваться, а потом сразу скрывается у себя. Отец только глядит на его лоб, но молчит. Интересно, он спросит маму? А она ответит? Поняла ли, что случилось?

В гостиной тихо, и Тёмка крадется на цыпочках. Страшась того, что может увидеть, он все-таки приближается к узкой щели. Отец, как всегда, в кресле, мать на полу у его ног, положила голову ему на колени. Он гладит ее по волосам, перебирая пряди, и пьет свой коньяк. Потом она тянется к нему и что-то шепчет на ухо. Глаза отца вспыхивают яростью, его пальцы, только что нежно поглаживающие ее затылок, сжимаются. Тёмка узнает этот взгляд. Завтра или послезавтра, самое позднее через неделю его обидчики пожалеют о том, что сказали и сделали. Не надо было спрашивать маму про то слово. Теперь он и сам знает его смысл. Все так и есть — он байстрюк, незаконнорожденный. Хорошо, что сообразил умолчать о нелестных эпизодах в адрес матери, среди которых «наложница» и «содержанка» были самыми приличными.

Отец отомстит, и его начнут бояться еще сильнее. Тёмка горько вздыхает. Сколько всего он слышал об отце и деде, которого даже не застал в живых, и никогда в этих разговорах не упоминалось об уважении и признании заслуг. Оплотом власти его семьи были две вещи — страх и грубая сила.

Город встретил сырым туманом и серостью. Подавив тяжелый вздох, Майя шагнула с трапа, опираясь на поданную мужем руку, и огляделась. Безрадостная картина. Глядя на ее враз поникшие плечи и скорбное выражение лица, Дорн мягко улыбнулся:

— Мне это знакомо. Нельзя из южной сказки возвращаться в осень, но что поделать — так сложились обстоятельства. Одно радует — еще не слишком прохладно, мы все-таки не на север прилетели.

Он обнял Майю, стремясь растормошить ее и вызвать хотя бы подобие улыбки, и она постаралась изобразить радость, чтобы не расстраивать Максима унылым видом. На самом деле ее печалили совсем не осень и картины увядающей природы, а несбывшееся желание принести с волшебных островов ребенка. И еще, пусть совсем немного, но все-таки тревожило Майю ее будущее. Там, в городке, они с Максимом замыкались друг на друге, и никто не был им нужен. Теперь все изменилось. Она стала женой Дорна, и ей придется войти в его мир. Или столкнуться с ним — тут уж как повезет.

Прямо из аэропорта Майя позвонила Виктории, чтобы сообщить о своем возвращении и узнать, как дела у подруги. То, что сообщила взволнованная Вика, ее озадачило. Суд над Валькой Камаевым вот-вот должен был начаться, но в прессу уже просочились вполне достоверные сведения о том, в чем именно его обвиняют. В покушении на убийство? И в этом тоже, разумеется, но главной линией обвинения стали хранение и распространение всяких запрещенных веществ, и вот это не укладывалось в голове ни у кого из жителей городка.

— Зарубина везде была, Майя, ко всем стучалась, но ее не слушают! Это же неправда, Валька никогда с наркотиками дел не имел, все знают! — твердила Вика.

Майя была удивлена, но не настолько, чтобы защищать Катрана.

— Вика, да откуда нам знать? Он преступник. Все когда-то случается в первый раз — вот и Валька...

— Следователь Ольге Михайловне так же сказал, только, Майя, нечисто здесь! Неспроста этим делом занимались менты из округа, может... — Вика запнулась, и Майя, изрядно уставшая после перелета, по-своему истолковав эту паузу, внезапно разозлилась:

— Что «может»?! Какое тебе вообще дело, за что сядет человек, пытавшийся убить тебя?! — крикнула она в трубку.

— Но... Майя... Ведь это несправедливо... Там совсем другие сроки, он же так на всю жизнь почти... Ему еще и оборот вменяют... и группу... — Виктория заикалась то ли от возмущения, то ли из-за неожиданной отповеди подруги.

— Знаешь, Вика, мне на него плевать, — ответила Майя. — Тем более я все равно ничего не могу сделать. И ты не можешь.

— Поговори с Дорном!

— А Максим-то тут при чем?

— Если Вальку сажают специально, то это он, — уверенно заявила Виктория. — Кто еще мог пригнать полицейских и выдать им такое задание? Они же явно не бесплатно все это проворачивают.

Теперь Майя рассердилась по-настоящему.

— Я даже слышать не хочу этот бред, — прошипела она. — Во-первых, я не говорила Максиму, кто конкретно на тебя напал, а во-вторых... Вика, мы только прилетели, голодные и уставшие, нам вообще не до того, не до Камаева так точно. Пусть валит на зону, всем дышать легче станет!

Выпалив это, она даже удивилась резкости, которой прежде в себе не замечала.

Вика помолчала немного, а потом тихо сказала:

— Я поняла, Майя. *Вамнекогда. У васдела.* Извини, что нагрозила. Пока.

И отключилась.

Майя недоуменно глядела на мобильник в своей ладони. Как странно произнесла Вика эти «вам» и «вас»... Неужели им с Зарубиной действительно жаль уголовного? Удивительные люди.

— Все хорошо? — Максим вернулся с багажом и настороженно смотрел на Майю, пытаясь понять, что выбило ее из колеи.

Она пожала плечами:

— Да, просто... Ладно, ерунда. Вика... Она уже дома, выписали.

— Здорова? Восстановилась? Как с Алексеем у них дела? — участливо поинтересовался Максим, и Майя вдруг поняла, что не задала подруге ни одного из этих вопросов, потому что они сразу начали спорить из-за Катрана. Ну как же так? Почему все неправильно, не людски! Ее глаза наполнились слезами от досады и злости на саму себя. Дорн не на шутку встревожился:

— Боже мой, да что с тобой такое?! Иди сюда!

Он крепко прижал ее к себе, и в его больших теплых руках Майе стало чуть легче. Она и сама не знала, отчего расклеилась и психанула. Может, так повлияла смена климата? Отчаянно захотелось чего-то сладкого.

— Я мороженого хочу... — Как же жалобно это прозвучало!

Майе вмиг стало стыдно, а Максим рассмеялся — хорошо так, по-доброму:

— Какая же ты у меня еще девочка! Пойдем, накормлю тебя мороженым!

Не переставая смеяться, он взял ее за руку и повел. И она шла следом, чувствуя себя самой счастливой женщиной на земле.

А вечером Максим долго разговаривал с кем-то по телефону, и Майя с трудом дотерпела до его появления в спальне, борясь со сном. Но прежде, чем лечь, он торжественно объявил:

— Завтра у тебя появится первый полезный контакт в записной книжке будущей великой художницы. Готовься к встрече века.

ГЛАВА 4

Она ждала их на ступенях галереи. Маленькая и изящная, как статуэтка, вся в белом, с идеальной, волосок к волоску, укладкой и безупречным макияжем. Крохотные точки бриллиантов в аккуратных маленьких ушках, тонкие браслеты на правом запястье, на шее — широкая лента из белого шелка. Подведенные черным прозрачные серые глаза и темная сливового оттенка помада на бледном точеном лице. Все вместе это смотрелось как-то уж слишком красиво, ненормально, ненатурально. Особенно лента... Майя не могла оторвать от нее взгляда: казалось, она не украшает, а скрывает под собой какую-то тайну обладательницы великолепной лебединой шеи. Голос Максима вывел девушку из задумчивости:

— Майя, познакомься — Софья Шубина, хозяйка сей обители красоты и искусства. Я уже рассказал ей, что ты профессионально рисуешь и готова показать свои работы.

Стоящая перед Майей женщина улыбалась так, что хотелось забыть все плохое и просто раствориться в тепле и радушии, которые она излучала.

Софья протянула руку, удивительно мягкую и нежную, и наклонила голову, приветствуя Майю:

— Добро пожаловать. Очень рада наконец с тобой познакомиться... Мы ведь можем перейти на «ты»? Зови меня Соней.

Майя кивнула и проговорила:

— Очень... приятно... — она не могла понять, узнала ли в ней Шубина ту девушку, с которой встретила взглядом на этом самом месте чуть больше месяца назад.

— Идемте внутрь, — пригласила Соня, царственным жестом указывая на дверь. — Вам после тропиков, наверное, холодно на осеннем ветру.

Майя бросила взгляд на Максима и немного обиделась, заметив, с каким неподдельным восхищением смотрел он на Шубину. У нее самой в голове вертелась, но никак не поддавалась осмыслению некая смутная идея. Что-то ей напоминали манеры Софьи, ее отточенные движения и безукоризненный внешний вид... Но что или кого? И эта чертова лента...

В галерее специально для гостей была обустроена очень уютная гостиная с мягкими креслами и пушистым ковром.

— Кофе, чай? — спросила Соня, усадив супругов. — Я имею в виду, чего желает Майя, конечно, — добавила она с обворожительной улыбкой. — Твои вкусы, Макс, я надеюсь, не изменились *настолько* сильно.

Майя чуть вздрогнула, уловив легкий акцент на слове «настолько». Безусловно, Соня имела в виду ее саму, очевидно, разительно не похожую на предыдущую жену Максима. Что ж, вот и первая встреча с теми, кто знал Юлию. Сколько их впереди, таких вот оценок и суждений о ней, Майе? О ее соответствии или несоответствии статусу госпожи Дорн.

А еще Соня назвала Максима коротким именем, и он даже бровью не повел. Почему-то именно это задело сильнее всего. Впрочем, мгновение спустя Максим отыгрался за них обоих, заявив:

— Удивлю тебя, Софьюшка. Мне капучино.

Софья чуть приподняла одну бровь, но вместо удивления ее лицо приобрело, скорее, лукавое выражение. Майя вообще сказала бы, что смех был самой сутью Шубиной. Она вся была эдаким солнышком, серьезность же стоила ей больших усилий. И снова эта неуловимая мысль о сходстве Софьи с чем-то хорошо знакомым...

— Мне тоже капучино, — сказала Майя, и их гостеприимная хозяйка скрылась в недрах своих владений.

— Поверить не могу, что я здесь! — шепотом воскликнула Майя.

Максим повернулся к ней:

— Так тебе знакома эта галерея?

— Кто не знает Софью Шубину?! У нее такие персоны выставляются!

— Тогда налаживай контакт — может, и тебя выставит.

— А вы с ней... просто дружите?

— Ты ревнуешь никак? Расслабься, — рассмеялся Максим. — Мы уже много лет знакомы, и у Сони на меня нет никаких видов.

— А у тебя на нее? — полюбопытствовала Майя. — Смотришь очень заинтересованно.

— Соня, бесспорно, женщина красивая, даже более того... Но я еще жить хочу.

— В смысле? Она что, как самка богомола?

Услышав это, Максим аж хрюкнул и зажал руками себе рот, чтобы не расхохотаться.

— Отличная шутка, но нет! — выдавил он. — Просто... За Соней есть кому ухаживать, а я не лезу на чужую территорию.

— О, у нас принципы?

— Инстинкт самосохранения!

Тут Майя мигом вспомнила виденного ею мужчину с повадками хищника, который, судя по его манере обращения с Соней, привык присваивать себе все, до чего способен дотянуться. Что ж, Максима, который, как ей казалось, не слишком любил конфликтовать, понять легко.

— А вот и Софьюшка возвращается. Вы пообщайтесь, а я на вас полюбуюсь! — радостно объявил Дорн.

Это он загнул, конечно: рядом с Шубиной просто и безыскусно одетая Майя, еще не овладевшая искусством *выглядеть*, смотрелась весьма непрезентабельно. Софья же была словно экзотическая птичка, яркая картинка, само совершенство...

Выйдя из галереи, Майя и Максим разошлись в разные стороны. Ему нужно было ехать в офис компании, где его готовился терзать партнер-совладелец, а она отправилась на прогулку, благо погода позволяла: тучи немного рассеялись, промозглый ветер стих, и с посветлевшего неба радостно улыбалось солнце. Конечно, не такое громадное, как на островах, но Майю радовал и этот тусклый желтый кругляш.

Разговор с Софьей получился долгим. Шубина подробно расспрашивала Майю о ее увлечении живописью, любимых жанрах и стилях, дипломном проекте. Тактично поинтересовалась причинами, по которым девушка за все эти годы так и не построила никакой карьеры и нигде не выставлялась.

— Я совершенно не помню твоего имени. Ни одной работы, а ведь многие выпускники академии мне известны, — с легким удивлением сказала Софья.

— Так сложились обстоятельства, — уклончиво ответила Майя, и Шубина понимающе улыбнулась:

— Мужчина...

Майя молча опустила голову, как бы говоря собеседнице, что та попала в точку, но обсуждать это при Максиме не стоит. Впрочем, Соне не нужно было объяснять таких элементарных вещей.

— Послушай, моя хорошая, — мягко сказала она, — не могу тебе ничего обещать, пока не увижу, о чем идет речь. У тебя есть, что показать?

Майя оглянулась на Дорна, ища поддержки, и он ответил за нее:

— Почти все работы Майя оставила в городке, откуда она родом. Можем забрать и привезти их. Либо... — тут он подмигнул Майе, — ты нарисуешь что-то новое. Свежее. С нынешним, так сказать, настроением.

Майя поняла, на что он намекал. Ее прежние работы несли в себе отпечаток нелегкого опыта: детство и юность в интернате, тяжелые отношения с Павлом, разочарование и страхи.

Картины, написанные ею на островах, были иными. В них проявлялась новая Майя — чувственная, решительная, гораздо более свободная.

Она кивнула и ответила Софье:

— Пожалуй, я сделаю, как предлагает Максим. Нарисую новый цикл и представлю его.

— Сколько тебе нужно времени?

— А сколько вам нужно картин?

Софья заливисто рассмеялась и хлопнула в ладоши:

— Она прелестна, Макс! Сколько хочешь, дорогая. Рисуй и неси, я все посмотрю.

Потом что-то произошло, но Майя не поняла, что именно. Из глаз Сони вдруг исчезло сияние — словно лампочку выключили. Она поднесла ко лбу мелко дрожащую руку и с каким-то беспомощным видом оглянулась на Максима. Тот внимательно посмотрел на нее и встал:

— Нам пора. Если вы обсудили все, что хотели, мы, пожалуй, пойдем. Соня, ты нас извинишь?

— Конечно, — ответила она так тихо, что Майя едва расслышала. — Еще увидимся, дорогой.

— До свидания, Майя, — улыбнулась ей Софья на прощание, но в этой улыбке больше не было живости и очарования.

— Что с ней? — шепотом спросила Майя Максима, когда они выходили.

Он покачал головой, давая понять, что ответа не будет.

За ужином Майя все-таки спросила Максима, не принимал ли он участия в деле Вальки-Катрана. Как она и предполагала, супруг ее даже не понял.

— Кто такой Камаев? — спросил Дорн.

— Тот, кто напал на Вику, я рассказывала тебе.

— Ах, отвергнутый поклонник! — кивнул он. — Да, помню. Нравы, конечно, у вас там...

— Неприятно звучит, — Майя нахмурилась. — Отнюдь не все жители городка выясняют отношения при помощи ножа.

— Прости! — Максим покаянно склонил голову. — Но я чрезвычайно рад, что вытащил тебя оттуда, Майя. Уж такое у меня мнение.

— Видимо... — Майя кашлянула. — Видимо, я должна тебя поблагодарить, муж мой.

Он грустно улыбнулся, поняв, что невольно обидел ее, и примирительно сказал:

— Ты мне ничего не должна. Это я обязан сказать тебе спасибо за то, что ты согласилась стать моей женой.

— Я люблю тебя, Максим, и счастлива быть ею.

Он ошеломлен? Не ожидал услышать признание вот так, в непринужденной беседе? Обычно Майя выкрикивала эти слова в эмоциональном порыве, знаменующем собой начало ее вознесения к блаженству в его объятиях. Максим опустил глаза. Ничего, она же обещала себе, что будет терпелива и подождет.

— Я тоже счастлив, Майя, — сказал он в ответ. — Ты лучшее, что могло случиться со мной.

Она смотрела на него, подперев руками подбородок. Лучшее, что могло с ним случиться? О да. Стоит только вспомнить... Действительно, в сравнении с перспективой окончить свои дни с пулей в голове на дне ущелья, брак с красивой молодой, хоть и нелюбимой женщиной вполне себе неплохой вариант. Да что это с ней? Майя отогнала мрачные мысли и постаралась придать лицу беззаботное выражение. В конце концов, они поженились совсем недавно, так зачем омрачать начало их супружеской жизни разрушительными мыслями и самокопанием?

Тем временем Максим прикончил остатки стейка у себя на тарелке и произнес с таинственным видом:

— А еще у меня для тебя сюрприз.

— Да? — она попыталась представить, что ее ждет, кроме сегодняшней встречи с Софьей, и была приятно удивлена и даже растрогана, когда Дорн объявил:

— Сегодня я написал отцу о том, что женился. Как только у них с мамой будет стабильный интернет, мы устроим сеанс видеосвязи, и я представлю им тебя.

Майя не находила слов, только моргала, глядя на него.

— Ты не рада? — поразился он. — Мне казалось, тебя очень расстроило то, что о нашей свадьбе я не сказал даже родителям.

— Я очень рада, Максим. Но понравлюсь ли я им? Может, не такую жену они тебе хотели.

— Какую хотели, такая уже была, — жестко обрубил он. — И не очень хорошо все это закончилось. Вообще, чья жизнь? Моя. Мне и решать. Правильно?

Она счастливо улыбнулась и бросилась ему на шею.

— Вот уж не думал, что эта новость настолько тебя порадует, — удивленно проговорил он.

— Ты просто не понимаешь, — сказала она, уткнувшись ему в плечо. — Ты балбес... Это же семья.

«Конечно... Семья, которой у этой девочки никогда не было», — напомнил он себе. Точно. Самый настоящий балбес.

Поздним вечером в замке наконец заворочался ключ. Приглаживая взъерошенные волосы, Лидия вышла к двери и, оперев руки в пышные бока, гневно воззрилась на Соню. На самом деле она нисколько не сердилась, а была больше встревожена таким поздним ее возвращением.

— Где ты была?! Посмотри, который час!

Соня улыбнулась ей самой кроткой из своих улыбок и умоляюще сложила руки:

— Не ругай меня, Лидушка. Я была у Глебова.

Услышав это, женщина ахнула и, развернув Соню к свету, пристально всмотрелась ей в лицо.

— Рыбонька моя...

Та ласково приложила палец к ее губам, не давая произнести больше ни звука:

— Все хорошо! Смотри, я здесь, я вернулась.

Сбросив плащ на стоявшую тут же банкетку, Софья медленно пошла к себе. Лидия смотрела, как она то и дело опирается рукой о стену, и только вздыхала.

ГЛАВА 5

Всего несколько дней размышлений и неспешных медитативных прогулок понадобилось Майе, чтобы решить, о чем будет ее первый цикл картин.

— Я хочу рассказать о нас с тобой, — сказала она Максиму как-то ночью.

— В смысле, ты хочешь написать наши портреты? — уточнил он. — Нет, жена, мне что-то не хочется висеть на всеобщем обозрении, пусть даже в виде картинки.

— Да нет, я же не комиксы собираюсь рисовать! — Она не могла подобрать слова, чтобы объяснить ему. — Вот смотри... Мы с тобой встретились и что-то почувствовали...

— Я точно почувствовал! Особенно, когда ты мне заявила, что пришла на свидание ради пиара! Как ты будешь живописать мою глубочайшую обиду на тебя? — ехидно спросил он.

— Максим, тебе обязательно надо вот так себя вести?! — возмутилась Майя уже далеко не притворно. — Ты не хочешь меня выслушать! Я тебе отомщу.

— И как же это? Очень интересно, — он приподнялся на локте и навис над ней. — Ты способна оценить, кто из нас крупнее и сильнее?

— Я буду звать тебя Максом! — запальчиво воскликнула она.

— Не будешь.

— Буду! Макс, Макс, Макс! Попробуй заткни ме...

Он заткнул, причем с удовольствием, да так, что Майя чуть не задохнулась от его поцелуя.

— Ты упрямая, своенравная девчонка, — пробурчал он, с нежностью глядя на нее, — и ведь я сам тебя такой делаю...

— Думаю, мы оба друг друга меняем, — сказала она, — поэтому не смейся надо мной. Я действительно хочу рассказать нашу историю в цвете. Это будут композиции, полные динамики, пульсации, движения... Постепенно форма и ритм будут меняться, по мере того, как мы с тобой лучше узнавали друг друга и становились ближе.

— А хоть какие-то понятные образы там будут? — спросил Максим. — Или чистая абстракция?

— Море, — с готовностью ответила Майя. — Небо. Все, что окружало нас, что помогало либо мешало, создавало атмосферу. Я расскажу о своем городке, об этом нашем гнездышке, о рае, где мы были с тобой.

— Почему были? Я все еще пребываю в раю!

Его щекочущие поцелуи отвлекали, но Майя стойко держалась, не теряя нити, и продолжала объяснять мужу свою идею. В конце концов он сдался и умоляюще протянул:

— Я согласен с любым твоим предложением и одобряю все, что ты захочешь выставить. Скажи, этого достаточно, чтобы я получил сегодня доступ к телу супруги? На законных, кстати, основаниях.

— Что ж ты такой озабоченный-то? — надулась Майя, но Максим расхохотался:

— Я?! А кто срочно хотел родить? Мне казалось, мы делаем общее дело.

— Я согласна, мой милый, но есть один нюанс, который нам нужно обсудить.

— Последний на сегодня? Слушаю тебя, вещай.

Майя вздохнула:

— Балагур... Речь о том, где мне рисовать. Я бы превратила в мастерскую часть гостиной внизу...

Максим недоуменно поглядел на Майю:

— И что тебе мешает это сделать?

— Погоди, ты не против? Это все-таки жилье, я не хочу доставлять тебе неудобств...

— Ой, напугала. Нам хватит места, даже если ты отхрюпаешь себе половину помещения!

— Отхрюпаю? — Майя впервые услышала это смешное слово и прыснула. — Спасибо, Максим! Ты — лучший муж на свете.

— Погоди, мы женаты всего месяц. Демоверсия скоро превратится в тыкву, — ответил он с очень серьезным видом.

— Мой милый, обожающий шутки муж... — с глубоким вздохом произнесла Майя, выбираясь из-под одеяла.

Она встала над Максимом и чуть надавила коленом ему на грудь, ловя его заинтересованный взгляд.

— Ты не думал, что демоверсия есть и у меня, и по истечении определенного времени ей тоже наступит конец?

— И что меня ждет при встрече с тобой настоящей? — глаза его перестали искриться смехом и потемнели.

— Еще неизвестно, готов ли ты к этому, — проговорила Майя, закрывая глаза и медленно опускаясь вниз.

— Всегда готов, — услышала она и еле слышно охнула, почувствовав его руки у себя на бедрах.

«Мы никогда не устанем, никогда друг другом не насытимся, нам всегда будет мало, — думала она, — и это так прекрасно, что просто не может закончиться».

Все-таки Майя послана ему небесами, Дорн в этом уже не сомневался. Не будь ее, он бы не справился: ни с прошлым, ни с настоящим, ни с тем, что сейчас приходится выслушивать от Лисовского.

В последний раз они виделись в начале сентября, и дела тогда не обсуждали. Сейчас Федор размахивал руками, потрясая картами, выкладками, счетами и письмами от поставщиков, расторгаящими договоры.

Максим безучастно взирал на него, понимая, что это лишь поток эмоций. Нужно переждать, пока схлынет пена, и вот тогда пойдет концентрат, уже содержащий крупницы чего-то ценного. Второе кресло у стола Лисовского было свободно. Раньше в нем всегда сидела *она*. Максим на миг задержал дыхание от кольнувшей сердце боли и заставил себя переключиться на мысли о Майе.

— В общем, друг мой, как ты понял, ситуация аховая, — донесся до него голос Федора. — Так что вариантов нет. Собирайся и езжай. Теперь ты нужен там как никогда.

— Где? — Дорн к стыду своему понял, что прослушал нечто важное.

Лицо партнера застыло. О, это знаменитое бешенство Лисовских: чем свирепее их ярость, тем бесстрастнее лицо. Умеют нагнать жути.

— Ты меня не слушал, — зашипел Федор.

Надо как-то вырывать...

— Я все понял, Федь, кроме одного: мне туда зачем?

Может, он хоть по оговорке какой поймет, куда именно гонит его Лисовский?

— А что, у тебя внезапно какие-то проблемы с собственным домом образовались? То ты торчишь там месяцами безвылазно, а то вдруг приматываешь в город и назад на хочешь. Ничего от меня не скрываешь? — маслины глаз замерцали стальным блеском и подозрительно прищурились.

«Скрываю. Одну девочку, которой слишком дорожу, чтобы отдавать ее тебе на растерзание без подготовки, не научив противостоять таким, как ты».

— Я поручу всю основную работу Роману и Алексею Ярцеву, — продолжал тем временем Федор, но они еще сопляки, особенно, Ромка. Пригляди за ними, а?

«Да объясни же, что ты затеял?!» — умолял про себя Максим, не в силах признаться, что просто-напросто прослушал половину сказанного ему. К счастью, одними словами Лисовский не ограничился и протянул тонкую папку.

— Только никому ни слова. Это пока лишь проект, хотя... — он сделал многозначительную паузу и усмехнулся. — Те, кто дают под это деньги, очень заинтересованы и готовы вбухать любые средства. Место шикарное.

Максим тупо уставился на то, что держал в руках. Проект застройки и карта-схема. Знакомая очень карта-схема с изломанной линией по правому краю — морское побережье...

Отец звонит вечером, всегда вечером.

— Привет, Артём. Не против встретиться завтра после уроков? Я подъеду.

— Давай, но не мелькай возле школы.

Не надо Тёмке такого счастья. После той драки парни, задиравшие его, пару дней вообще не показывались, а теперь сидели тише воды, ниже травы, однако и остальные стали вести себя с ним иначе. Побаивались будто. Слухи быстро разносятся.

— Согласен. Поговорим с тобой по-мужски, сын.

— О чем?

— Обо всем. И о том, что в школе случилось тоже. Научу тебя отвечать, обходясь без рукоприкладства.

— Ну пап...

— Не папкай! — голос отца становится ниже и тише. Ясно, бесится.

— Понял, говори, где встретимся.

Тёмка забивает локацию в телефон, ставит напоминалку. В животе урчит, и он идет на кухню. Дверь в мамину комнату приоткрыта.

— Мам?

Она лежит на кровати, но поднимается, услышав его. Под глазами синяки, вид изможденный. Сильно пахнет лекарствами.

— Что, хороший мой?

— Да я так...

— Голодный?

— Я найду перекус. Тебе что-нибудь нужно?

Она качает головой и снова ложится. Ему не по себе. Он почти не помнит мать здоровой, но когда ей настолько плохо, в голову лезет всякая жуть.

Майя расчистила в гостиной приличное пространство под мольберт и прочие принадлежности. Места немного, но света хватает, а это главное. В конце концов, нужно лишь убедить Софью, что начинающая художница заслуживает шанса, а переделать или нарисовать что-то новое проблемой не будет.

Пока она возилась, расставляя и передвигая инвентарь, вернулся Максим. Хмурый, напряженный. Неужели так действует на него общение с партнером? А ведь они, кажется, даже друзья.

— Как прошел день? — осторожно поинтересовалась она, не будучи, впрочем, уверенной, что стоит задавать этот вопрос: по лицу мужа и так видно, что не очень хорошо.

Он лишь махнул рукой, оглядел ее импровизированный уголок художника и спросил:

— Помочь обустроиться?

— Нет, я справлюсь. Ты отдохни. Поужинаем дома или где-нибудь в городе?

— Да я не голоден — перекусил недавно.

Он чуть приобнял ее, но когда она привычно потянулась к нему, отстранился и помахал какой-то папкой:

— Нужно посмотреть документы. Я наверх.

— Работал весь день и еще домой работу принес, — Майя неодобрительно зацокала языком, но Максим даже не улыбнулся.

Она проводила Дорна долгим нерадостным взглядом: решительно ему не идут на пользу ни поездки в офис, ни нахождение в городе вообще. Он здесь только ради нее, ее карьеры, а сам с огромным удовольствием, наверное, сбежал бы обратно, в свой дом над морем.

Хотела бы она жить там? В том доме следов предшественницы гораздо больше. Справится ли она с *еенаследием*? Выдержит ли проверку, когда Максим будет глядеть на нее за завтраком или во время прогулок и искать отличия, вспоминая, как все это делал с другой женщиной? А в постели? Сравнивает ли он их как любовниц? Наверное, нет, ведь с Юлией у него были какие-то очень странные сексуальные отношения. Настолько необычные и даже извращенные, что он отказывается повторять этот опыт с Майей. Одного того, что он уже ей продемонстрировал, хватило, чтобы понять: терпеть такое смогла бы какая-то исключительная женщина. И дело даже не в физическом ущербе в виде синяков и вывихов: как должна быть изломана психика, чтобы принимать насилие за норму и желать его? Судя по тому, что о ней говорили, Юлия вовсе не была похожа на марионетку, но тогда что же творилось между ней и Максимом?

Усилием воли Майя отогнала непрошенные мысли, потому что они вновь наводили на нехорошие подозрения, подталкивая к опасным выводам относительно внезапной смерти этой загадочной женщины. Не раз, глядя на сильные руки мужа, Майя представляла, как они сжимают нежную шею. Смог бы он дойти до конца? А не дошел ли? И не потому ли так не любит вспоминать о покойной, что в памяти всплывают отнюдь не пасторальные картины ее мирного ухода из жизни, а нечто ужасное, яростное, возможно, кровавое?

Ее вдруг тряхнуло в сильном ознобе. «Майя, Майя, что ты делаешь, остановись! — уговаривала она себя. — Откуда этот бред? Он не убийца, а для тебя уж точно безопасен, ведь у него была уже не одна возможность убить тебя, но ты цела и невредима!»

Она покачала головой, сдавила ладонями виски, зажмурилась. Нет, лучше бы Максим не заговаривал о возвращении в тот дом. Если такие жуткие мысли одолевают в квартире, в которой Юлия не жила уже много лет, то что же начнется там, где все пропитано ею и где она умерла?!

Руки опустились. Сегодня она уже ничего не будет делать — ни набросков, ни пробы цвета. Тело налилось свинцовой тяжестью, и Майя, не найдя в себе сил подняться в спальню, упала на стоявший тут же диван и провалилась в забытье.

Уже глубокой ночью, ненадолго проснувшись, она почувствовала на себе что-то тяжелое и пушистое: значит, Максим спускался, но не решился будить ее и лишь укрыл пледом. Она задремала снова, и до утра металась в беспокойном сне, полном суматошных криков каких-то птиц, кажется, чаек. Все они были белоснежными, а вместо глаз у каждой зияли черные бездонные впадины. Чайки не могли взлететь и только конвульсивно дергали крыльями, к которым были приделаны тонкие крепкие нити, уходящие вверх, в низкое серое небо, плачущее бесконечным холодным дождем.

Утром Майя встала с больной головой и без настроения. Максим, стараясь не шуметь, собирал на стол завтрак — тосты, творожный сыр, ломтики слабосоленой форели, что-то еще — и улыбнулся, увидев, что она поднялась, но улыбка вышла несчастной. Сердце Майи замерло от недоброго предчувствия, а в следующую секунду Дорн сказал:

— Тебе лучше поторопиться с картинами для Сони. Самое большее через три недели мы возвращаемся в поселок.

ГЛАВА 6

— На днях я улетаю в командировку, — говорит отец. — Далекo, но буду на связи. Звони, если будут проблемы. Сразу звони и говори обо всем, ты понял?

Тёмка молча смотрит в тарелку. Они опять в каком-то пафосном месте — вечно отцу надо выпендриться. Хотя... Не в бургерной же встречаться. Нужно ответить, и Тёмка бесцветным голосом произносит:

— Да, папа, я понял.

А потом все-таки поднимает глаза и выпаливает:

— Мама болеет. Уже несколько дней!

Отец даже не меняется в лице — спокоен и холоден, только бровью чуть повел.

— Врача вызывали?

— Ей не нужен врач, ей нужен ты! Почему ты всегда приходишь только тогда, когда тебе плохо, и никогда, когда плохо ей?!

Никто не смеет повышать на него голос — так и схлопотать недолго, и Тёмка чуть сжимается, ожидая яростной отповеди, но отец молчит. Он долго смотрит на паренька, затем говорит:

— Потому что я ничем не могу облегчить ее состояние.

Он лжет, и они оба это понимают. Правда, каждый на свой манер. Тёмка уверен, что матери лучше от одного присутствия отца рядом, но тот считает иначе. Сын не видит того, что скрыто за фасадом. Не видит страха.

— Сегодня, — объявил Майе Максим.

Она стояла у мольберта, всем видом демонстрируя глубокую задумчивость. Нет, композиция уже была проработана — это Майя никак не могла решиться начать. Она сама себе удивлялась, но страх все испортить, давно уже позабытый, снова высунул мерзкую морду из той норы, куда было спрятано прошлое, куда отправился Павел и все внушенные им комплексы. Выдохнув, Майя наконец выбросила вперед руку с карандашом, намереваясь провести черту, и тут сзади раздалось то самое:

— Сегодня!

Остро заточенный грифель карандаша оставил на бумаге точку, еле видную глазу, и Майя обернулась.

— Что — сегодня? — спросила она.

— Мы пообщаемся с моими родителями, — ответил Дорн. — Готова?

Она в панике заморгала, вытаращив на него глаза и пролепетала:

— Нет... Не готова...

И тем не менее встреча, разумеется, состоялась, и, по мнению Максима, прошла замечательно. Майя же была в полном восторге.

Она счастлива была наконец увидеть людей, чью драматичную историю с таким интересом выслышала от мужа всего несколько недель назад. Как же, тот самый Евгений Дорн, трагическая фигура, столько переживший по вине родного отца, потерявший любовь своей жизни, но нашедший сына и обретший спокойное семейное счастье! Он казался ей персонажем романтической истории и в целом не обманул ожиданий, оказавшись статным стариком самого благородного вида. Абсолютно белые, но еще густые волосы над высоким лбом, орлиный нос, мощный подбородок даже через экран ноутбука транслировали могучую жизненную энергию Евгения. Именно такими и представляла себе Майя мужчин этой семьи. Максим, однако, был мягче и спокойнее, унаследовав, очевидно, какие-то черты характера матери. Она

сидела рядом с мужем, тоже еще очень эффектная, несмотря на возраст, и нельзя было не заметить ее сходства с сыном. Те же смеющиеся глаза и подвижные брови.

Странно, но крепкая круглолицая Илона ничем не напоминала описанный Максимом образ идеальной женщины Дорнов. Впрочем, Евгений женился на ней, уже оставшись один, и счастье, что этот брак, заключенный от безысходности, не стал катастрофой. Любопытно, как выглядела его первая жена?.. Однако Майе не давали времени на размышления. Евгений говорил мало, больше смотрел и слушал, а расспрашивала в основном Илона. Ей было интересно все: где росла Майя, как начала рисовать, в каком жанре, к чему стремится... Потом, разумеется, полетели вопросы о планах одарить стариков внуками, и тут уж Майя, краснея от смущения, заверила, что они с Максимом рождение детей откладывать не собираются. Услышав это, Илона с каким-то странным победоносным выражением в глазах посмотрела на мужа, и Майе показалось, что она как бы говорит ему: «Вот так-то!» В чем там дело, можно было лишь догадываться, но что, если это продолжение давнего спора? Например, о том, какая женщина больше подходит их сыну? Юлия не родила Максиму ребенка, а Майя родит. И пусть она тоже не соответствует некоему женскому идеалу, главная-то задача будет выполнена!

Беседа продолжалась часа два, не меньше, и под конец, когда Илона заметно устала, Евгений сказал:

— Давай, сын, отпустим дам, пусть займутся своими делами, а мы с тобой еще парой слов перекинемся.

Его супруга с благодарностью приняла это предложение и, тепло попрощавшись с Майей и Максимом, удалилась. Майя тоже встала и наклонилась к мужу:

— Я пойду рисовать.

Он улыбнулся и на секунду задержал ее, взяв за руки, и от его взгляда у нее внутри все затрепетало.

— Была очень рада познакомиться с вами, Евгений Георгиевич.

Тот вежливо склонил голову, не отрывая от Майи внимательного взгляда.

Очувтившись среди своих картин и красок, она с досадой подумала, что многое отдала бы за возможность подслушать разговор Максима с отцом. Что скажет о ней Евгений? Он все рассматривал ее, разумеется, оценивал... Естественно, Максим уже взрослый мальчик и никакие «сын, она тебе не пара» на него не подействуют, но кому не хотелось бы узнать, какое мнение он оставил о себе, особенно, если речь о людях из того круга, куда и не мечталось попасть? Что ж, все, что положено знать Майе, супруг, вероятно, расскажет, а об остальном лучше не думать, чтобы не распалить себя и не погружаться в самоуничтожение, в котором она была большая мастерица.

— Скажи мне, где бриллиант? Я не увидел его на руке этой девочки.

— Я не дарил ей кольцо.

На лице старшего Дорна морщины дрогнули и сложились в новый узор — он усмехнулся.

— Мне казалось, ты передал его мне, чтобы я сам распоряжался... — начал было Максим.

— Конечно! — Евгений поднял ладонь, останавливая сына. — Ты волен делать с ним, что пожелаешь. Просто я подумал, не повторяется ли моя собственная история.

— Ты имеешь в виду то, что не отдал его матери? Не посчитал ее достойной бриллианта Дорнов?

— Скорее, я понял, что она не тот человек, которого можно связать подобным символом.

— В моем случае все проще. Кольца больше нет.

Глаза старика чуть сузились:

— Потеряно? Или ты, не дай бог, продал его?

— Ни то, ни другое. Оно там, где я посчитал должным его оставить, и вход в это место закрыт для всех, в том числе и для меня.

Евгений задумчиво пожевал губами и поднял на Максима глаза:

— А ты смелее меня. И искреннее. Ты лучше меня во всем.

Тот отрицательно покачал головой и возразил:

— Иногда мне кажется, что я чудовище.

Старший Дорн вздохнул:

— У Вероники, — Максим заметил, как дрогнул голос отца, когда он произнес имя своей первой жены, — была любимая книга. В ней говорилось что-то вроде... — Евгений поднял глаза вверх, припоминая, — «трудно оставаться нормальным, если живешь с дьяволом». Мы все, сынок, сражаемся с демонами — каждый со своим. Мне повезло, моя демоница покинула меня быстро, а вот тебе досталось. Но не называй себя чудовищем. Безумцем — да, возможно. И расценивай это как испытание.

— За испытание полагается награда.

— Ну, — Евгений чуть слышно хихикнул, — это если ты его успешно прошел. Думаешь, твоя блондиночка досталась тебе в качестве приза?

Максим замер. Об этом он даже не думал, но мысль отца была понятна. В самом деле, что, если он ошибается, и Майя вовсе не спасение его, а проводник в следующий круг ада? И что ждет его там? Или... кто?

Отец еще что-то говорил, но Максим отвлекся и не расслышал последних слов.

— Что, прости? — переспросил он и неловко соврал: — Что-то со связью.

— Я говорю об Олеге, — повторил Евгений. — У него опять какие-то проблемы, он звонил мне. Помоги брату, Макс.

— Что на этот раз? — Максим с досадой подумал, что только беспутного сына дядюшки Вячеслава ему для полного набора и не хватает.

— Он не вдавался в детали, но денег не просил. Я посоветовал ему связаться с тобой, поэтому и предупреждаю. Ты уж будь посдержаннее. Мне показалось, он изменился и уже не ввязывается в авантюры.

Максим чертыхнулся, но ничего больше не сказал. На его взгляд, азартный и недалечно-видный Олег относился к тем, кого исправит только могила, отсюда и его приключения с проигранными в карты квартирами, долги бандитам и прочие увлекательные жизненные перипетии. Что ж, посмотрим. Может, кузен и впрямь остепенился.

Вечером Майя все-таки спросила мужа:

— О чем вы говорили с отцом?

Максим пожал плечами и ответил:

— Да так, об одном родственнике.

— А я думала, обсуждали меня и твой выбор.

Он рассмеялся.

— И ты переживала? Майя, солнце мое... — Он расцеловал ее в обе щеки, чмокнул в нос и напоследок наградил страстным поцелуем в губы. — Ты им обоим понравилась! Отругали меня, конечно, за то, что я, седеющий болван, ломаю жизнь юной красавице, но к тебе претензий нет. Ты умничка!

— Я боялась тебя подвести, — призналась она, чем вызвала новый приступ смеха.

— Этого просто не могло быть. Ни-ког-да! Перестань так плохо о себе думать, ты мое чудо маленькое!

Он снова ее поцеловал, прижал к себе, и Майя почувствовала себя такой счастливой, такой невероятно счастливой, что не удержалась и прошептала ему в самое ухо:

— Я тебя люблю! Я очень-очень тебя люблю, Максим!
Ответом ей по-прежнему была тишина.

ГЛАВА 7

Утром, войдя в кабинет Федора, Максим застал того говорящим по телефону.

— Я понял, Боря. Ты еще навести ее по-дружески на днях, ладно? Погляди, что да как. Я вернусь — разберемся. Все, давай!

Завершив звонок, Лисовский какое-то время молча смотрел в окно, потом мрачно уставился на Максима. Тот не стал ничего спрашивать, прекрасно зная, кто такой Борис и о чем Федор мог с ним говорить. Видимо, дела не очень хороши, но спрашивать ни о чем нельзя: Лисовский терпеть не может, когда лезут в его личную жизнь.

— Ты прочитал материалы? — Федор мгновенно перешел к делу.

— Так точно, — отозвался Максим, усаживаясь в кресло. — Но там одна вода пока. Нужны исследования.

— Все будет, все сделаем! — Его партнер, как всегда, был на сто процентов уверен в успехе своей идеи и готовился стоять насмерть. — Ты когда назад?

— Дай пару недель, — попросил Максим, молясь про себя, чтобы Лисовский не пристал с расспросами.

Однако тот был занят своими собственными мыслями и планами, поэтому только махнул рукой:

— Как знаешь. Я сметаюсь кое-куда на несколько дней.

— Очередная перспективная разработка?

Но Федор злобно зыркнул на Дорна и буркнул:

— Наталья. Опять психует. Вывезу на курорт от греха подальше. Не все ж тебе разъезжать! Но я ненадолго. Закину ее на пляж, посижу рядом немного, пока она не успокоится, и двину обратно.

Максим промолчал. Он прекрасно понимал, отчего бесится жена Федора, и уже давно опасался, что однажды ее прорвет, а тогда пострадают невинные. До поры до времени Лисовскому удавалось сдерживать ее, но сколько можно? И так всю жизнь терпит, а нервы-то не стальные канаты.

Федор сопел, собирая в стопку бумаги на столе. Потом он замер ненадолго, посмотрел на Максима, перевел взгляд на второе, пустующее, кресло и проговорил:

— Макс... Какого черта? Почему у нас все пошло через задницу?

Дорн невесело усмехнулся. Он прекрасно понял, что речь идет не о бизнесе.

Майя очень обрадовалась звонку Вики. Их предыдущий телефонный разговор закончился, откровенно говоря, плохо, они нагубили друг другу, и Майе очень хотелось исправить ситуацию, на что она и понадеялась, услышав в трубке голос подруги.

— Привет, Вика, я так рада тебя слышать! Я скучаю.

— Что ж сама не звонишь? — сдержанно осведомилась та.

Майе стало неловко. И впрямь могла бы набрать, но Соня, картины, Максим, его родители... Ее так закрутило, что времени остановиться и разложить все по полочкам совершенно не было. Вспомнилось, как точно так же она позабыла обо всем и вся во время романа с Павлом. Появилось неприятное чувство, которое Майя постаралась поскорее прогнать. Нет, это другое, это никогда не повторится, теперь все иначе!

— Ладно, видно, такова замужняя жизнь, — продолжала Вика как ни в чем не бывало. — Я чего звоню... Может, увидимся сегодня? Леша пригласил на свидание, а я подумала: приеду пораньше — погуляю заодно и с тобой.

— Супер, давай! — Майя по-настоящему обрадовалась, даже чуть не запрыгала от предвкушения встречи с Викой.

— Где пересечемся?

Майя испытала сильнейшее искушение пригласить подругу прямо в квартиру, но тут же прикусила язык. Что, если Максим будет этим недоволен? Она не знала, когда он вернется. Вдруг опять придет из офиса уставший и захочет отдохнуть, а тут гостя... Нет, лучше такие вещи обсуждать заранее.

— Ты приедешь на автобусе? — уточнила она и, услышав утвердительный ответ, предложила: — Тогда я тебя прямо на вокзале и встречу. Могу с цветами!

Вика звонко рассмеялась:

— С цветами не надо! Жди меня в три часа.

Настроение у Майи заметно улучшилось. Она быстро закончила набросок, над которым работала до этого, и начала собираться. Перед встречей с Викторией нужно забежать в магазин и купить подарки ей и Зарубиной. Вот уж перед Ольгой Михайловной Майя точно виновата, и хотелось хоть как-то эту свою вину загладить.

К назначенному времени Майя не успела совсем чуть-чуть. Еще издали завидев высокую стройную фигуру Вики, она что было духу припустила и с веселым визгом бросилась обнимать подругу.

— Ну ты даешь, — изумилась Вика, едва не сбитая с ног, — а ведь замужняя женщина! Где степенность и манеры?

— Успею еще стать противной жеманной теткой, — отмахнулась Майя. — Я так тебе рада, Викуся! Кстати, вот. — Она протянула две небольшие коробочки.

— Это что?

— Белая тебе, а золотистая для Ольги Михайловны. Подарки.

Вика заулыбалась, но тень, набежавшая на ее лицо, от Майи не укрылась.

— Все в порядке, Вик? — забеспокоилась она.

— Пойдем, — откликнулась та, — расскажу.

Сначала девушки долго гуляли, и Майя расспрашивала Викторю об Алексее. После того, как смущаясь и краснея, словно девица, Ярцев все-таки попросил у Вики номер телефона, они довольно быстро начали сближаться, и вот теперь их отношения достигли той стадии, когда встал вопрос о том, чтобы жить вместе. Вика, в общем, ничего против не имела, но уезжать из городка пока не была готова. Алексею же неудобно было кататься оттуда в городской офис каждый день.

— Поэтому ничего пока не решилось, — вздыхала Вика. — Ездим друг к другу на свидания. Вот у меня завтра выходной, так что останусь у Леша до утра...

— Хочешь, я спрошу Максима насчет удаленки для него? — предложила Майя.

Но Вика покачала головой.

— Твой Дорн там не единственный хозяин, и Леша объяснил мне, что он больше под вторым боссом ходит. А тот точно не разрешит. Ты его не видела пока?

— Нет, зато уже многое о нем слышала. Неординарный, похоже, человек. И неприятный тоже. Максим, как в офис съездит, сам не свой возвращается. Конфликты у них там какие-то постоянно... А почему ты сама-то к Ярцеву не переберешься?

Вика остановилась и, подняв лицо к небу, тихонько заскулила.

— Ты чего?! — Майя вытаращила глаза.

— Ну что вы все пристали, — простонала та. — И Леша, и даже Лариса, хотя я ей нужна в салоне... Не хочу уезжать, я люблю наш городок, Майя! Море люблю, скалы, зелень... А здесь что? — Вика пнула носком туфельки идеально ровную плитку. — Асфальт и кусты-огрызки!

Она издала горестный вздох и опустила плечи, враз как-то сгорбившись:

— Я в городе завяну, понимаешь?

Майя понимала. Она и сама обожала родной ландшафт и скучала по морю, крикам чаек, сменяющим друг друга островкам рощиц и скалистым ущельям. Но все это затмили ей жаркие объятия Максима. Так распорядилось ее сердце.

— Вот влюбишься в своего Алексея окончательно — ни о чем не вспомнишь, поедешь за ним, куда скажет! — заверила она подругу.

— Не уверена, что смогу настолько голову потерять, — скептически заметила Вика. — Ты-то понятно, ты всегда была романтиком.

Тут она оживилась.

— Кстати, кольцо показывай! Я ведь не поглядела даже!

Майя с гордостью продемонстрировала палец с двумя платиновыми нитями, перевитыми между собой в причудливом узоре, пустоты в котором были украшены мелкими оранжевыми топазами, натуральными и потому безумно дорогими. Камни чудесным образом повторяли оттенок ее глаз. Вика оценила красоту украшения и восхищенно ахнула.

— А в городке-то ведь не верят, что вы поженились, — сказала она. — Думают, Дорн тебя в содержанки взял!

— Да пусть говорят, что хотят. — Майя равнодушно повела плечами. — Мы скоро туда возвращаемся, так что смогут лично поинтересоваться, если духу хватит.

— Правда?! — Вика восхищенно округлила глаза. — Ура! Ну теперь я точно оттуда не уеду! А мне казалось, ты уже никогда не вернешься.

— Максим сказал, что ему надо быть там. Да и не любит он город, сам назад рвется, я чувствую.

Вика снова помрачнела, и Майя спросила:

— Рассказывай уже, что случилось?

— Да все то же. Катран, — ответила подруга.

Что бы ни натворил Валентин Камаев, каким бы отъявленным негодяем и подонком ни выглядел он в глазах общественности, Ольга Михайловна как директор интерната и, почитай, вторая мать каждому из своих воспитанников не могла не чувствовать своей ответственности за все, что произошло.

Зарубина обивала пороги, требуя свидания с Камаевым, чтобы просто посмотреть ему в глаза и отыскать где-то там в глубине голодного перепуганного пацана Вальку, переступившего некогда порог интерната и взятого ею под крыло.

Она своего добилась и Камаева увидела. Он весь был как открытая книга, и не понадобилось ни в какие глаза заглядывать — ее Валька сидел перед ней, утирая кулаком сопли и клянясь, что не планировал никого лишать жизни.

— Я чисто поговорить, Ольга Михална, — ныл он, — а то че она как эта, фифа такая, я чисто выяснить хотел...

— Зачем ты ее в машину посадил, зачем в скалы потащил, ножом зачем бил?! — кричала на него женщина, понимая, что этого никто уже не отменит, и Вальке придется ответить по закону.

— Бес попутал, унизила она меня, — Валька опустил голову.

— Оскорбила? Накричала, ударила?

— Да если бы... — прогундосил Камаев. — Свысока смотрела. Просто молча глазами зыркала, но так, что я... я себя дерьмом почувствовал, понимаете? Недочеловеком каким-то... А она кто? Она ж такая же... Мы все из одного места... из интерната, в смысле... Королевишна, блин...

Зарубина смотрела на него со смесью жалости и брезгливости. И это Катран! Вожак стаи, познавший вкус баланды и прошедший школу жизни, настоящий мужик! Мужик, готовый убить женщину, унизившись от одного ее взгляда!

Валька все понял по тому, как держалась с ним Ольга.

— Я свою вину тут признаю, — кивнул он, успокоившись. — Не хотел, да ничего не попишешь. Но наркоту они мне шьют вообще ни за что!

— А что ты делал в поселке наверху? — спросила Зарубина.

Ей уже удалось выяснить, что Камаев показал, будто к коттеджам он приехал за компанию с приятелем, у которого были какие-то дела с владельцем дома, куда пришла и Вика.

— Чисто подвез его, водилой побыл и все! — божился Валька. — А сейчас они говорят, что я при себе запасы имел — да ни черта!

В материалах следственного дела ситуация выглядела следующим образом: Валентин Камаев в составе организованной группы хранил и распространял наркотические вещества. В тот злополучный день он в сопровождении еще одного члена своей банды явился в дом заказчика с целью предложить товар. Заказчик впоследствии раскаялся, поклявшись, что больше никогда не употребит ничего забористее крепкого чая. Наверняка одними эмоциями дело не ограничилось — об этом Зарубина не знала и могла лишь догадываться, — но только в протоколах теперь фигурировал один Камаев в качестве обвиняемого, а члены его якобы группировки проходили свидетелями. Кое-кого, впрочем, тоже готовились судить, только вот сроки им светили совсем другие, зато Камаеву... Ольге Михайловне чуть плохо не стало, когда она поняла, что по совокупности предъявленных обвинений парень рискует сесть на четверть века.

ГЛАВА 8

Майя, услышав рассказ Вики, притихла. Судьба Вальке светила незавидная. Двадцать пять лет в тюрьме! Когда он выйдет, то будет уже слишком поздно кардинально менять жизнь. Так и покатится дальше по наклонной, пока не сопьется или не убьют. А может, сядет снова, но так или иначе криминальный мир теперь станет его единственной реальностью.

Гуляя по улочкам, девушки набрали на маленькую уютную кофейню, и беседу решено было продолжить в ней. Обе заказали по чашке капучино, воздержавшись от десертов: одной еще предстоял романтический ужин, вторая же тщательно следила за весом.

— Я спрашивала Максима о его роли в деле Камаева, — сказала наконец Майя. — Он абсолютно не в курсе.

Вика придвинула к себе чашку и занесла над ней ложку: она всегда начинала с того, что съедала пенку, и лишь потом пила кофе. На слова подруги она возразила:

— Зарубина не просто так уверена, что Вальку сажают. Кто-то ей намекнул. Мол, слишком ретиво опера действуют: накопили массу данных, приплели организованную группу по сбыту, хотя ты вспомни катрановских придурков: их программа-максимум — витрину разбить и спереть что плохо лежит.

— Но ведь что-то он в поселке забыл в тот день? — напомнила Майя.

— Ольга Михайловна его подробно расспросила. Клянется, что просто подвозил приятеля. Вот приятель-то, может, и был тем самым барыгой, а спихнули все на Вальку. Теперь смотри... — Вика доела пенку, со смаком облизала ложку и ткнула ею в Майю: — Дом в поселке «небожителей», Дорн там же, они явно знакомы, ментов притащили из округа... Что мы должны думать? Что толстосумы друг друга прикрывают, а козлом отпущения сделали Камаева.

— Да Максиму-то зачем кого-то прикрывать?! — гневно воскликнула Майя.

Ее начинало злить упорство Вики в попытках обвинить Дорна в подтасовке фактов, тем более, что речь шла о преступнике, чуть не убившем ее саму!

— Было бы незачем, — невозмутимо парировала Виктория, — но Валька подставился, и они там смекнули...

— Нет, — Майя решительно замотала головой, — я даже толком не объясняла Максиму, кто напал на тебя. И потом, чтобы сфабриковать дело, нужно очень хорошо постараться, это уголовка, и Макс ни за что не пойдет на такое. Потерять репутацию или, того хуже, самому сесть — ты что?!

— А ты прям думаешь, он весь белый и пушистый? — запальчиво спросила Вика.

Майя поджала губы и процедила:

— Если у тебя нет доказательств, то попрошу не говорить подобного. Мне неприятно.

— У меня ничего нет, — понизив голос, отозвалась Вика, — а вот у Ларисы, похоже, есть.

— И что же?! Снова байки про жену-ведьму? О, как же Максим прав, говоря о людях... — простила Майя, возведя глаза к потолку.

— И что же он говорит о людях? — тихо спросила Вика, глядя исподлобья.

— Что им лишь бы кости поперебивать соседу! А уж если сосед не простой человек, то... — Майя захлопнула рот, видя, как подруга меняется в лице.

Вика погрузилась в мысли, отведя взгляд, долго молчала. Потом она снова посмотрела на Майю и сказала:

— Вот поэтому я не хочу сюда переезжать. Я боюсь измениться.

— Измениться? — эхом откликнулась Майя.

— Именно. Мы с тобой, моя дорогая, простые детдомовские девки из глубинки. И всегда ими будем. Я об этом помню, а ты решила забыть. Гляди, как бы по носу не щелкнули! —

скрестив руки на груди, Вика надулась, и Майя с сожалением подумала, что опять они поругались — уже второй раз за последнее время.

И может, Вика даже права в том, что Майя меняется, но что же здесь плохого? Она вступила в брак и постепенно перенимает привычки и взгляды своего мужа, человека более взрослого и опытного. Более мудрого. Больно, очень больно, если это будет означать разрыв с теми, кого Майя вовсе не хотела забывать.

— Вика... — она протянула руку и пощекотала пальцем локоть подруги. — Ну, Вик... Ты же у меня одна. Давай не будем ссориться... Викуся...

Тут она состроила такую умиленную гримасу, что Вика, поглядев на нее, не сдержалась и прыснула:

— Перестань!

— Это ты перестань, не дуйся на меня. Я тебя люблю!

— Я тебя тоже люблю, дуреху.

— Взгляни хоть, что я принесла! — Майя подвинула к подруге коробочку, предназначенную для нее.

Конечно же, любопытство взяло верх над обидой, и через минуту Вика уже восхищенно ахала, драпируя на шее легчайший шелковый шарф.

— Я взяла для тебя белый а Ольге Михайловне темно-зеленый, — пояснила Майя. — Ну как?

— Обалденно. — Вика пропустила между пальцами тонкую гладкую ткань. — Какая классная вещь. Дорого?

— Вика! — Майя погрозила ей пальцем. — Это подарок!

— Подарок так подарок! — Вика вскочила с места и обняла Майю. — Спасибо! Зарубиной передам, как увижу!

— Обижена она на меня? — помедлив, спросила Майя.

— Сначала очень сердилась, — призналась Вика. — Неблагодарной называла и все такое. Мол, зачем сбегать, могли бы и подождать со своей свадьбой...

Знала бы она! Майя чуть не зажмурилась, вновь вспомнив, как отбирала у Максима пистолет.

— Но теперь поостыла. А увидев эдакую красоту, — Вика потрясла шарфом, — простит тебя вмиг!

— Твои бы слова... — вздохнула Майя.

И тут зазвонил ее мобильник.

— Ты где? — раздался в трубке ледяной голос.

Максим.

Ей четырнадцать, ему восемнадцать.

— Я принес тебе подарок, — говорит он.

В его руках чокер в виде ленты из черного шелка, к ленте прицеплен кулон из двух створок.

Она раскрывает и видит место для фотографии.

— Помести туда изображение того, кто тебе дороже всех, — слышит она его голос.

А кто ей дороже всех? Родителей она помнит смутно. Приемная мать?

Его взгляд прожигает насквозь, она теряется и бормочет:

— Я подумаю.

— Хорошо, носи пока так. Давай помогу, — он берет чокер и закрепляет его на тонкой девичьей шее. Легко проводит пальцем по коже вниз, и она вздрагивает. А он наклоняется и шепчет ей на ухо:

— Мне было бы приятно, если бы там было мое фото...

Он подводит ее к зеркалу, и она замирает, глядя на их отражения. Маленькая худенькая девочка с едва обрисованной грудью и он, высокий и сильный, совсем взрослый. Его руки на ее плечах — чуть давят, но их тяжесть ей приятна. Она опускает ресницы и улыбается.

Ярослав Грибокоть погрузился в себя так глубоко, что не услышал легких шагов за спиной, а потому, когда его окликнули, от неожиданности всплеснул руками и задел стоявшую рядом на постаменте мраморную фигуру, в результате чего она угрожающе накренилась.

— Мамма мия! — завопил Грибокоть и, обхватив скульптуру обеими руками, удержал ее. — Уф, я бы не пережил! — простонал он и обернулся, метая взглядом молнии. — Какого ляда нужно так подкрадываться?!

Маленькая изящная женщина в темно-красном, почти цвета крови, шелковом платье, испуганно отступила на шаг и покаянно склонила голову:

— Прости, о великий! Прости дуру грешную! Кто же знал, что властелин глины и скипидара столь глубоко задумается и не услышит слоноподобного топота его рабы. Нижайше прошу меня не карать!

Она присела в глубоком поклоне, а когда выпрямилась, с лица исчезло подобострастное выражение, серые глаза стали ледяными, а улыбка — ехидной.

— Я надеюсь, экспонат не пострадал? А то, Ярик, деньги-то дают, так что не подведи.

Грибокоть еще секунду удерживал на лице обиженно-надменное выражение, а потом обошел женщину кругом, восхищенно цокая языком:

— Боже мой, ты само совершенство, Софьюшка! Кто тебе косы-то плетет?

— Держу при себе умелицу, — улыбнулась Шубина.

— Значит, дают деньги? — Ярослав довольно потянулся и размял мышцы, затекшие от долгого стояния: с самого утра он лепил заготовки для нового цикла скульптур, и теперь поясница ныла.

— Дают, но немного. Поэтому выставку проведем либо здесь...

— Нет!!! — взвыл скульптор, воздевая к потолку натруженные узловатые руки.

— Либо переговорим с куратором, может, он еще что-то предложит, — успокоила его Соня. — Ну-ну, не скули! Ты только и делаешь, что мотаешь мне нервы. В могилу загонишь раньше времени — что делать станешь?

— Перестань, душа моя, какие могилы, что ты несешь?

— Вот и веди себя прилично. Показывай свой шедевр. Ты ее выставишь?

Ярослав обрадовался, будто ребенок, которого попросили прочитать стишок, долго и упорно им запоминаемый. Попятившись, он подошел к нише, занавешенной бархатной портьерой.

— Готова?

И отодвинул ткань.

Соня, не сумев сдержать судорожный вздох, схватилась рукой за шею. В нише стояла скульптура, изображающая полуобнаженную женщину в натуральную величину. Шубина подошла к ней на ставших вдруг непослушными ногах и долго рассматривала. Наконец взгляд остановился на выточенном из мрамора лице. Видя реакцию на свое творение, Ярослав горделиво выпятил грудь и спросил:

— Ну? Я хорош?

Соня протянула руку, осторожно коснулась лица статуи, и на глазах ее вдруг выступили слезы, тут же прочертившие две черные дорожки туши на щеках, разом утративших цвет.

— Ты гений... — прошептала она.

Тихо притворив дверь, стараясь не щелкать замком слишком громко, Майя вошла в квартиру.

Максим сидел в гостиной за книгой. Майя на цыпочках приблизилась к нему и встала, смущенно спрятав руки за спину.

— Я дома, — сказала она полупшепотом.

Он поднял на нее глаза и облегченно выдохнул:

— Я рад.

Майя осторожно присела на край дивана, забралась на него с ногами и положила голову на плечо мужу.

— Мне показалось, ты недоволен тем, что я куда-то пошла. Прости, что не предупредила. Боялась помешать тебе звонком.

— Ты могла написать сообщение.

Майя подняла глаза на Максима. Он говорил спокойно, но ей показалось, что его не отпускает напряжение. Она коснулась руки мужа — так и есть.

— Прости, — повторила Майя.

Она поцеловала его раз, другой, и наконец он ей ответил. Они упоенно целовались несколько минут, пока не оторвались друг от друга, чтобы перевести дух.

— Это ты меня прости, — сказал Максим. — Наверное, я говорил слишком резко. Просто испугался.

— Испугался? — удивилась Майя. — Чего?

— Не знаю. Это иррациональное чувство. Вернулся домой, а тебя нет, все брошено в беспорядке. Мне на миг показалось, что ты вообще исчезла. Совсем. И больше не придешь.

Майя во все глаза смотрела на него, и он виновато улыбнулся:

— Я же говорю — иррациональный страх.

Она прижалась к нему всем телом и ощутила, как колотится его сердце. Бедный! Неужели в самом деле поверил, что она способна его бросить?

— Максим, я никогда так не сделаю! Слышишь? Никогда никуда не уйду! — прошептала она и почувствовала, как он еще крепче обхватил ее, словно держался за спасательный круг.

ГЛАВА 9

— Как ты делаешь это? — спросил Максим, следя, как под руками Майи на холсте появляются и обретают форму образы. Цветные пятна становились небом, горными хребтами, золотыми вихрями, кружащими в хороводе сонмы мелких листьев, цветов и звезд.

— Иди научу, — поманила она и, видя неуверенность на его лице, ухватила за плечо и потянула: — Иди, иди, тут никто не кусается и по пальцам розгами не бьет!

Он встал к мольберту за спиной Майи и с опаской взял кисть.

— Вот так ... — ее маленькая ладонь легла на его руку и мягко, но твердо направила. — Не дави! Это же акварель, тут полно воды, пусть стекает, а потеки мы подхватим... Оп! Видишь?

Вокруг серой скалы возникал фон. Там, где он соприкасался с границей камня, линия, прорисованная кончиком кисти, оставалась четкой, а дальше размывалась, постепенно уходя в едва заметный бледный оттенок.

— Продолжаем... — Майя уверенно вела руку Максима, и вот они спустились к самой границе свинцовых волн моря.

— Почему такие мрачные краски? — спросил он.

— Совсем не мрачные. Я только начала, а потом здесь появятся теплые тона... Отсюда, — Майя указала на правый верхний угол холста, — будут падать лучи солнца, которые пройдут сквозь воду... — палец двинулся по диагонали к левому нижнему углу.

Максим завороченно следил за ее плавными движениями.

— Давай нарисуем птиц вдали.

Майя взяла кисть потоньше и обмакнула в черную краску, потом передала Максиму.

— Держи.

— Нет, боюсь испортить.

— Я помогу. Все очень просто. Птицы далеко, мы их еле различаем...

Она говорила, а Максим смотрел то на полотно, то на жену. На покатые узкие плечи, маленькое ушко, выглядывающее из прядей льняных волос, грудь в вырезе футболки... Ему вдруг до боли захотелось обнять ее, от всех спрятать, такую маленькую, беззащитную.

Он обхватил Майю свободной рукой, прижал к себе, и она поддалась, покорно откинув голову ему на плечо, открывая для поцелуев шею. Максим любил в ней эту необыкновенную податливость. Она отдавалась ему с готовностью, но вместе с тем пылко. Не как Юля — равнодушно и отстраненно.

— Я люблю тебя, — вдруг прошептал он и поразился себе.

Это было чистой правдой. Впервые с того дня, как они стали близки, Максим искренне произнес эти слова. Он *действительно ее любил!*

— Люблю, — повторил он.

Что это, минутный порыв? Эмоция или он и впрямь смог освободиться? Значит, не все еще потеряно, его душа не выжжена?

Майя аккуратно протерла кисти и поставила их в баночку с водой. Потом повернулась к нему. В ее глазах он увидел слезы и немой крик: “Ну наконец-то, что же ты молчал до сих пор?!”

Как же он, наверное, измучил ее, извел своим безмолвием в ответ на самые страстные признания, которыми она его осыпала. Бедная, бедная девочка...

Майя справилась с собой, улыбнулась и, встав на цыпочки — какая же она малышка, — обняла Максима за шею.

— Кажется, придется отложить урок рисования. Ученик отвлекается.

— Ученик очарован учительницей.

Его руки легли ей на ягодицы, чуть надавили, придвигая ближе. Майя тихо охнула и закрыла глаза.

— Ученик *слишком* очарован учительницей, — уточнила она. — Недопустимое поведение.

Опуская Майю на пол и ложась рядом, Максим подумал, что надо было постелить здесь ковер побольше.

После они долго нежились в объятиях друг друга. Майя о чем-то думала, глядя в окно, и наконец повернулась к Максиму:

— Как ты думаешь, я уже беременна?

— Ты все-таки хочешь поскорее родить?

— Я хочу ребенка от тебя.

— А если Соня сочтет возможным тебя выставить?

— Беременность не помешает мне рисовать. Просто нужно успеть все подготовить до родов.

— А как же все эти краски, растворители?

— Я могу работать чем-то безвредным. Макс...

Он вздрогнул. Она опять назвала его укороченным именем. В ее устах оно звучало неприятно.

— Пожалуйста... — попросил он.

Майя виновато опустила ресницы:

— Прости. «Макс» так идет тебе, и я все время забываю...

Конечно. Она считала так же. Но Макс — это имя для того, кем он был. Кем Юля его сделала. С Майей он не хотел таким быть.

— Сколько мы уже вместе... — принялась подсчитывать она месяцы, — почему я еще не забеременела?

Она вдруг подскочила и обернулась к нему. Максим залюбовался ею. Свет из огромного французского окна освещал Майю сзади, очерчивая плавные линии ее силуэта — линию шеи, рук, изгиб талии...

— Максим, а если я не могу?!

Глаза Майи стали огромными и тревожными. Он успокаивающе погладил ее по обнаженному бедру.

— Не говори ерунды. Мало кому удастся зачать ребенка с полпинка. Но для твоего успокоения можем сходить к специалисту. Попроси Соню, она даст тебе контакт своего гинеколога. И не переживай. Я слышал, тревожность мешает забеременеть.

— Да, так говорят.

Майя наклонилась к Максиму, и он губами поймал ее сосок. Она рассмеялась:

— Щекотно!

— Просто проверил технические характеристики, — отшутился он. — Ты же этой самой грудью детей кормить будешь. Будешь ведь?

— Конечно. — Майя удивленно вытаращилась на мужа. — Думаешь, у меня не хватит молока?!

Максим пожал плечами:

— Многие женщины отказываются кормить сами, боясь испортить форму.

— Какая глупость, — ее брови сдвинулись к переносице. — А что, для тебя важна форма груди? Предупреждаю, всех детей я выкормлю самостоятельно.

— Всех?! — расхохотался Максим. — А скольких ты планируешь родить?

— А сколько ты хочешь?

— Да неважно, душа моя, — он подтянул Майю ближе и подмял под себя. — Сколько родится.

— Начнем с двоих, а там поглядим? — улыбнулась она, закидывая руки за голову.

— Как скажешь. Тогда предлагаю продолжить работу по претворению нашего плана в жизнь. Как смотришь на это?

Майя положительно смотрела на все, что обещало страстные ласки мужа, а потому возражать не стала.

За две недели Майе удалось создать несколько законченных картин и ряд этюдов, которые тоже несли в себе определенный потенциал.

— Впрочем, — заключила она, обзрев все работы, — они и в таком виде неплохо смотрятся. Думаю, можно звать Софью на смотрины.

— Да? С удовольствием, — отозвался Максим. — Устроим дружеский ужин. Может, она с собой еще кого приведет из богемы своей.

У Майи вспотели ладони: к творческой тусовке она готова не была! Остается уповать на тактичность и чувство меры самой Софьи, которая, быть может, сообразит, что к начинающей и не уверенной в себе художнице не стоит сразу тащить маститых мэтров и критиков.

Максим тем временем разглядывал картины. Он указал на несколько, стоящих особняком:

— А эти?

— Эти не покажу, я их для себя рисовала, в паузах.

То были морские пейзажи, любимые Майей и, по мнению Максима, способные стать ее визитной карточкой.

— Почему ты так часто рисуешь море? Потому что выросла рядом с ним?

Она задумалась на миг.

— Я никогда не анализировала истоки своего творчества. Да, так выглядит мир моего детства, но, возможно, есть что-то еще. Может, это символ... Например, ожидания.

— Ожидания чего или кого?

— Ну... знаешь, как в сказках? Ушел за море, вернулся из-за моря...

— И кто ушел за море у тебя?

Майя промолчала, но посмотрела куда-то в сторону и вдруг заморгала покрасневшими глазами. Максим почувствовал себя неловко: наверное, напомнил о чем-то болезненном? Потом она все-таки ответила:

— Я не помню точно, но, кажется, в детстве, когда еще ждала маму, думала, что она появится оттуда.

Максим знал, что Майя не сирота и оказалась в интернате только после смерти бабушки, но никогда не спрашивал ее о подробностях, боясь растревожить.

— А твой отец?

— О нем ничего не известно. Мне никто не мог сказать даже, из местных он или приезжий. Мама... со многими гуляла. У меня и отчество так... с потолка взято...

Майя покраснела как рак и обхватила себя руками. Максим встряхнул ее.

— Тебе нечего стыдиться! Это проблема твоей матери. И отца, если он знал о тебе, но не захотел быть рядом. Майя... Майя, посмотри на меня!

Она плакала. У него сжалось сердце. Уже взрослая, замужем, сама готова стать матерью, а до сих пор чувствует себя нелюбимой и ненужной. Отсюда и ее связь с тем уродом, о котором она рассказывала. Нет, не может он, Дорн, сделать ей больно. Не имеет права! На нем теперь ответственность, долг. А как его исполнять, когда у самого земля из-под ног уходит? Им ведь

придется вернуться в тот дом. Место силы, как называла его Юля. Но не станет ли хуже? Не обернется ли место силы логовом зверя?

К матери наконец-то пришел врач. Они долго беседуют в ее комнате, потом он выходит, она следом. Тёмка не слышал всего, но последние слова доносятся до него:

— Поверь, лучше сделать это сейчас, чем потом лечить последствия.

Мать кивает, провожает врача и, закрыв дверь, поворачивается к вышедшему в прихожую сыну. В его глазах невысказанный вопрос, и она говорит:

— Я ложусь в больницу.

— Надолго?

— Всего на пару недель.

Тёмка кидается к ней. Он уже выше ее на голову и скрючивается в три погибели, пряча лицо у нее на груди. Она ласково ерошит ему волосы и шепчет дрогнувшим голосом:

— Не бойся, мой милый, все будет хорошо.

Сегодня она оделась во все черное, и лента на шее была в тон. Майя обратила внимание на каплевидную подвеску, прикрепленную к ней, и спросила:

— Внутри что-то есть?

— Да, — Соня улыбнулась своей обычной мягкой улыбкой. — Портрет дорогого мне человека.

Ее рука легла на кулон, и Майе показалось, что в этот момент глаза Сони заблестели от подступивших к ним слез, но уже через секунду она радостно воскликнула:

— Так что же? Покажут мне сегодня шедевры? Я в нетерпении!

С замирающим сердцем Майя отступила, пропуская Соню вперед, где ее встретил Максим.

— Ты одна, без своего гения? — спросил он.

Соня махнула рукой, и тонкие браслеты на ее запястье мелодично звякнули.

— Ваяет, — коротко ответила она, и тут взгляд ее упал наконец на выставленные в ряд работы Майи.

Глаза Сони сузились, а потом вдруг расширились, словно она была крайне изумлена. Медленно прошла она справа налево, затем обратно. Оглянулась на Майю, вернулась к картинам и вновь углубилась в их изучение. Майя бросила взгляд на Максима, и он взял ее дрожащую вспотевшую ладонь в свою, большую и теплую. Она тут же вцепилась в нее пальцами и застыла.

— Если тебе мало этого, Соня, вон там Майя море нарисовала.

— Где? — Голос Шубиной прозвучал до странности резко.

Она быстро обошла этюды и увидела морские пейзажи, стоящие позади. Долго всматривалась в них, так долго, что Майя физически ощутила, как тянется время. Наконец Соня подняла голову и медовым голосом произнесла:

— Макс, дорогой, ты не сварьешь нам кофе? В турке, как ты умеешь. А мы с Майей пока кое-что обсудим.

Майя изумленно воззрилась на Максима: она не знала, что он варит кофе в турке да еще и делает это, как следует из слов Сони, мастерски. Максим приподнял бровь, но ничего не сказал и покорно отправился в кухню, в то время как Соня аккуратно взяла Майю под руку и увела ее в противоположный конец — к окну с двумя креслами рядом. Усадив девушку в одно из них, сама села в другое и наклонилась вперед, так что ее прозрачные светло-серые глаза с точками зрачков оказались прямо напротив глаз Майи. «Как красиво окаймлена ее радужка

тонкой черной линией, — подумала Майя, — и какой необыкновенный оттенок... Почти как гойевский перламутрово-серый». Она так увлеклась, что до нее не сразу дошел смысл вопроса, который задала ей Шубина:

— Скажи мне, девочка, где ты научилась так копировать чужой стиль?

ГЛАВА 10

Звон

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.